

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
ВОИН
ПРИЗНАНИЕ МОДЖАХЕДА

Александр Тимохин

Александр Тамоников
Признание моджахеда

«ЭКСМО»

2009

Тамоников А. А.

Признание моджахеда / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2009 — (Александр Тимохин)

ISBN 978-5-699-31607-6

Съемочная группа телеканала «Экспресс плюс» в составе трех человек отправилась на съемки фильма в Афганистан... и попала в лапы банды Исмаил-Хана. Среди телевизионщиков девушка Валентина Туркина – дочь известного бизнесмена-нефтяника. Она-то и являлась главной целью банды. Отец Валентины чуть запоздал с выплатой выкупа, и Исмаил-Хан лично перерезал оператору телеканала горло. Спасать оставшихся в живых телевизионщиков отправляется российский спецназ...

ISBN 978-5-699-31607-6

© Тамоников А. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Тамоников

Признание моджахеда

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения непреднамеренны и случайны.

А. Тамоников

ЧАСТЬ I

Глава 1

Ближнее Подмосковье.

Охраняемый коттеджный поселок «Марьин ручей», пятница, 8 июля, 15:00.

Серебристая «Ауди» въехала на территорию одной из многочисленных усадеб, раскинувшихся на берегу большого чистого озера, носившего название Родниковое. Из автомобиля вышла молодая женщина в джинсах и короткой розовой майке. Валентина Туркина, журналист по образованию и роду деятельности, дочь известного и влиятельного как в России, так и за ее пределами нефтяного магната Бориса Анатольевича Туркина, вернулась домой из редакции телеканала «Экспресс плюс». Вернулась оживленная и взволнованная. Настроение Туркиной объяснялось просто: наконец-то съемочной группе, в которую входила и Валентина, разрешили вылет в Афганистан. Переговоры относительно этой командировки велись давно. С момента, как в редакцию пришел немолодой афганец и передал главному редактору письмо бывшего полевого командира моджахедов, Абдула Асадани. В письме пораженный смертельной болезнью, умирающий полевой командир сообщал руководству телеканала о готовности раскрыть одну из многих страшных тайн прошедшей войны. А именно поведать широкой общественности подробности гибели пятнадцати советских десантников, попавших в засаду душманов в августе восьмьдесят третьего года, до последнего патрона отражавших яростные атаки превосходящих сил моджахедов и подорвавших себя, когда кончились боеприпасы, предпочтя достойную воина смерть позорному плену. Гибель советских десантников потрясла Абдула и его подчиненных. Павших десантников похоронили с почестями. После чего Абдул ушел в Пакистан, и советское командование так и не узнало о судьбе пропавших офицеров и солдат разведывательной группы N-ского парашютно-десантного полка. И вот спустя десятилетия вернувшийся в Афганистан Абдул решил открыть еще одну тайну, из череды многих трагических тайн той уже забывающейся, необъявленной войны. Почему Абдул выбрал для исповеди телеканал «Экспресс плюс», являлось загадкой для всех. И для руководства канала, и для официальных властей. Но раз появилась возможность получить информацию о гибели наших солдат и месте их захоронения, то ею журналисты не воспользоваться просто не могли. И добились своего. Съемочной группе телеканала в составе режиссера Антона Сергинского, оператора Владимира Дольского и комментатора Валентины Туркиной разрешили вылет в Афганистан. Правда, после того, как сам Абдул гарантировал полную безопасность и радушный прием журналистов. Валентина понимала: узнай отец о ее намерениях, то тут же, используя свои связи, не только перекрыл бы ей возможность отправиться в командировку, но и убрал из телеканала. Поэтому все время переговоров держала в тайне предстоящую поездку. Она и сейчас не могла ни с кем из домочадцев поделиться тем, что послезавтра, десятого числа, вылетает в Ташкент. Да и делиться-то, в принципе, было не с кем. Мама умерла два года назад. Внезапная болезнь сразила ее, красивую, жизнерадостную женщину, за каких-то полгода, превратив перед кончиной в высохшую, как сломанная тростина, беспомощную старуху. Отец, похоронив маму, установил на ее могиле дорогой памятник, а вскоре женился на одной из своих секретарш. Молодой, старше Валентины на два года, длинноногой, манерной и не блистающей умом, Кристине Баниной, ставшей Туркиной. У него раньше не хватало времени заниматься дочерью, а сейчас, когда под боком молодая сексапильная женщина, тем более. То, что надо, отец о дочери знал, а мелочи, типа того, чем живет его родное дитя, Туркина особо не интересовали. Хотя, когда подвернулся подходящий женишок, сынок высокопоставленного чиновника Эдуарда Семеновича Шахристова, также владевшего через молодую жену несколькими

крупными туристическими фирмами и модельными агентствами, папаша тут же вспомнил о доченьке. Валентину познакомили с Шахристовым-младшим, Сергеем, упакованным, избалованным, себялюбивым, расчетливым эгоистом, который во всем слушался своего папеньку. Сергей при первой их встрече умело сыграл роль галантного кавалера, чему-чему, а лицемерить его научили неплохо. Да и Валентина профессионально подыграла ему. Так что богатые родители остались очень довольны и друг другом, и своими чадами, которых решили соединить брачным контрактом и роскошной, показательной свадьбой. А заодно создать совместное предприятие, дабы молодые имели собственный доход.

Смотрины закончились, Шахристовы не беспокоили Туркиных, лишь Сергей с упорным постоянством слал Валентине дорогие букеты экзотических цветов и всевозможные подарки. Валентина же с головой ушла в работу, тем более, что пошел процесс подготовки командировки. И совершенно забыла, что сегодня к ней должен был приехать Шахристов-младший. Приняв душ и пообедав, Валентина, включив кондиционер в своей комнате, решила отдохнуть. Дабы быстрее уснуть, взяла со стола цветной женский журнал. Она всегда, когда не шел сон, провоцировала его чтением не заставляющих напрягаться и думать, пустых по смыслу статей и очерков, какими были заполнены подобные периодические издания.

Но даже задремать Валя не успела. В комнату вошла мачеха:

– Лежим?

– Ну и что? Тебя это раздражает?

– Меня, девонька, уже давно ничего не раздражает!

– Даже я?

– Ты... исключение.

– Тогда чего пришла? Неужели соскучилась? Или решила в дочки-матери поиграть? Не получится. Я тебе не дочь, ты мне не мать!

Кристина присела в кресло, распахнув полы длинного восточного халата. Закурив тонкую сигарету, спросила:

– Ты ничего, дорогая, не забыла?

– Надеюсь, нет! Ты ляжки-то свои прикрой. Не перед отцом сидишь! Меня твои тела не привлекают.

Мачеха фыркнула:

– Подумаешь, цаца! С каких это пор стеснительной стала? А! Поняла, ты завидуешь.

– Чему?

– Да хотя бы красоте моих ног!

Валентина усмехнулась:

– Кто тебе сказал, что они красивы? Две шпалы, упирающиеся в плоскую, худую задницу.

– Завидуешь! Это хорошо. Но разговор не об этом. Ты забыла, что в пять часов должен приехать Сережа?

Валентина поднялась, села на край софы:

– Черт! Действительно, забыла.

– Вот-вот! Поднимайся, детка, готовься встретить жениха. Не знаю, что этот мальчик нашел в тебе, но, кажется, он влюблен.

– Если кажется, перекрестись! А любовь его мне до фонаря. Мне этот красавец безразличен!

– Да что ты? Чего ж тогда в прошлый раз любезничала с ним? Только не говори, что не хотела расстраивать отца, не поверю!

Валентина вздохнула:

– Дура ты, Кристина. Была душой, душой и останешься.

– Я дура, ты умная! Смотри, умная, счастье свое не проворонь!

– Ты называешь счастьем отношения с Шахристовым?

– По крайней мере, он не голодранец.
– А голодранца полюбить нельзя?
– За что?
– А разве любят за что-то?
– Эх, Валька, посмотрела бы я на тебя, не будь ты дочерью нефтяного магната. Когда имеешь все, легко рассуждать о том, чего не знаешь.
– Ты не ответила на вопрос!
– Насчет любви? Конечно, любят за что-то!
– Ты подставилась отцу ради денег, ради того, чтобы в высшем обществе задницей вертеть, впрочем, тебе вертеть нечем, но там многие такие. И хочешь сказать, любишь отца?
– Да, девонька, люблю!
– В зеркало взгляни!
– Зачем?
– Затем, чтобы перед тем, как лгать, физиономию хотя бы слегка изменить. А то слишком явно врешь, даже через косметику заметно.
– Да пошла ты, умная!
– Нет, Кристина, это ты пошла. Догадываешься, куда?
Супруга отца Валентины похотливо улыbnулась:
– Туда, дорогая, с превеликим удовольствием!
– Ну, в этом никто не сомневается!
– Пока, доченька, до встречи на приеме твоего кавалера. Посмотрю, как ты при нем борзеть будешь! Но не увижу, а жаль! Ведь ты ж перед Сереженькой стелиться станешь. Это в словах ты смелая, а сама давно прикинула, что надо хомутать этого жеребенка, пока его к тебе за узду тянут. Так что передо мной правильную не строй! Не надо! Ты такая же, как и все. Хищница из высшего общества. Со мной, доченька, дружить надо. А то папенька накажет. В угол поставит.

Рассмеявшись, Кристина вышла из комнаты Валентины.

Валентина встала с софы, подошла к трельяжу. Села на пуфик.

Черт, и несет сегодня сюда этого женишка! Как бы сделать так, чтобы он до десятого числа больше в «Марьином» не появлялся? Десятое июля – это у нас воскресенье. Плохо. Сергей может предложить пикничок на выходной. Хотя... почему плохо. Рано этот мальчик не встает, значит, если предложит отдых на природе, то после обеда. А Валентине уже в 9 утра следует быть в Домодедово. Вылет в Ташкент по расписанию в 10:30. Так что после обеда в воскресенье она будет уже далеко от дома, в жарком Узбекистане. А вот дальнейший маршрут ей неизвестен. Его знает руководитель съемочной группы Антон Сергинский. В принципе, какая разница Валентине, каким образом их, журналистов «Экспресс плюс», доставят в Афганистан? Как-нибудь доставят. Антоша все устроит в лучшем виде. Так что надо и сегодня подыграть Шахристову-младшему. Чтобы успокоить всех до вылета. Иначе ее командировка сорвется к чертовой матери!

Молодая женщина, взглянув на часы, принялась приводить себя в порядок, чего, в принципе, могла и не делать. Природная красота Валентины не требовала применения даже губной помады. Но Валя решила немного подкраситься и уложить волосы. То есть сделать минимум из того, что ежедневно делает подавляющее большинство женщин, наводя красоту.

В комнату вошел отец:

– Здравствуй, Валя!

Подкрашивая ресницы, не опуская щеточку, Валентина ответила:

– Здравствуй, папа! Ты сегодня раньше освободился. Случилось что? Или опять давление?

– Да нет! Со здоровьем все в порядке. А вернулся раньше потому, что нам Сережу Шахристова принимать.

– Я бы и сама справилась! Или с ним приедут и его родители?

– Только мачеха!

– Вот Кристине будет с кем поговорить. Они, кажется, спелись. Но Людмила вряд ли станет вмешиваться в нашу с Сергеем теплую беседу в парке.

Туркин присел в кресло у журнального столика:

– Я хотел бы, Валя, чтобы ты внимательно выслушала меня, а выслушав и поняв, сделала то, что пойдет на пользу всем!

Валентина отложила косметичку:

– Ты интригуешь меня, папа?

– Возможно. Так ты готова выслушать меня?

– Конечно. Но тебе следует поторопиться, Сергей с мамочкой могут объявиться уже через час!

– Успеем!

– Ну тогда говори, я тебя слушаю!

Туркин резко поднялся, прошелся по комнате, подошел к окну, раздвинул тюль, посмотрел на озеро:

– И все же как оно красиво.

Развернувшись, подошел к дочери, спросил:

– Тебе нравится Сергей Шахристов?

Валентина невесело улыбнулась:

– А разве это имеет какое-то значение? Ты решил, что он должен стать моим мужем, а в нашей новой семье все решаешь ты один. Если, конечно, можно назвать семьей те отношения, что сложились между тобой, Кристиной и мной.

– О ней не будем, поговорим о тебе. Я задал вопрос и жду на него ответа.

Валентина взглянула в глаза отцу:

– Нет, не нравится. Но и откровенно негативных чувств не вызывает.

Борис Анатольевич закурил.

– И тем не менее во благо всех, а главное себе, ты должна стать женой Сергея! – заявил он.

– Вот как? Должна? И что это за благо жить с человеком, которого не любишь?

Отец, усевшись в кресло, затушил окуроч:

– Я не сказал, чтобы ты всю жизнь мучилась с избалованным Сереженькой, я сказал, что всего лишь должна выйти за него замуж. Это позволит мне развить дело, подняться в бизнесе до таких высот, которые позволяют влиять на политические процессы внутри страны, претендовать на... но не будем об этом. Мне нужен твой брак с Шахристовым. Тебе он также выгоден, так как по условиям брачного контракта ты становишься владелицей крупной туристической фирмы. К тому же я увеличиваю долю твоего наследства. К тебе после моей кончины перейдет более половины всего того, чем сейчас владею я. Эта уютная усадьба в том числе. Но это еще не все. Если ты выйдешь замуж за Сергея, я перепису на тебя двадцать пять процентов акций компании «Северный путь». И заметь, я ни слова не сказал о том, чтобы ты жила с Шахристовым. Долго.

Валентина спросила:

– Скажи мне, папа, неужели тебе мало того, что уже имеешь? И что с тобой случилось? Я помню, как мы жили раньше, до того, как ты стал богатым. В небольшой, но уютной квартире, мы были счастливы. Вместе, в кругу семьи встречали Новый год, ты дарил мне и маме подарки, мы с ней тоже готовили тебе сюрприз. И в обычные дни вечером дома было уютно, спокойно, хорошо. Что с тобой произошло? Неужели удачно провернутые сделки, сделавшие тебя одним из богатейших людей России, и есть причина твоего перевоплощения? Ведь ты же сейчас не

живешь, не наслаждаешься жизнью, ты все время в работе, в заботах, у тебя на уме – цифры и доллары. Ты готов пожертвовать судьбой собственной дочери, чтобы стать еще богаче. Зачем тебе это богатство? Столько денег? Или это уже болезнь?

Туркин воскликнул:

– Да я же для тебя стараюсь, дочь! Чтобы ты была обеспечена и не отиралась рядовым сотрудником в какой-то паршивой телекомпании, а жила в свое удовольствие.

– Во-первых, папа, ты и так уже обеспечил не только меня, но и свою молодую жену Кристину. Во-вторых, телекомпания, где я работаю, не паршивая, а приличная организация. Ну и в-третьих, я не желаю быть заложницей денег, рабыней в золотой клетке, подчиняться тем законам, которые устанавливают тебе подобные. Ведь я же понимаю, для чего тебе нужен мой брак с Сергеем. Тебе стало мало одного только бизнеса. Ты захотел еще прорваться во власть, чтобы еще более расширить свое дело.

Туркин вздохнул:

– Мы можем бесконечно долго обсуждать эту тему и не прийти к единому мнению. Да, мне нужен твой брак, чтобы использовать связи и полномочия Шахристова в собственных целях. Но я не жертвую тобой. Тебе надо сделать самую малость. Выйти замуж за сына высокопоставленного чиновника, прожить с ним максимум два года. Возможно, меньше. Ровно столько, сколько потребуется мне, чтобы получить с Шахристова то, что мне нужно. После чего можешь разводиться. Или продолжить жить, вдруг понравится? Хотя жить с Сергеем совершенно не означает, что ты не можешь иметь связи на стороне. Согласен, я поступаю подло. Но сейчас просто нельзя поступать иначе, если хочешь добиться поставленной цели. И я добьюсь ее!

– А если я откажусь выйти замуж за Шахристова?

Туркин тяжело взглянул на дочь:

– Ты не сделаешь этого.

– Почему? Из-за боязни потерять то, что имею? Или то, что смогу иметь в перспективе? Ошибаешься! Забываешь, что я твоя дочь, а значит, и характер у меня не менее упрямый, чем у тебя. Хочешь, я прямо сейчас откажусь от наследства и от доли в бизнесе? Более того, немедленно уеду из усадьбы, и не в квартиру, что ты подарил мне на двадцатипятилетний юбилей, а пока к друзьям.

Туркин поднялся:

– Не говори глупостей, Валя. Я никуда не отпущу тебя.

– Так почему ты решил, что я не откажусь выйти замуж за сыночка Эдуарда Семеновича Шахристова?

– Потому что... потому, что мы с тобой остались вдвоем в этом страшном, перевернутом мире, потому, что я твой отец, а ты моя дочь, потому что я прошу тебя помочь мне!

Валентина взглянула на часы:

– Ладно, папа, можешь не переживать. Я стану женой Шахристова, вот только ему придется обходиться без моей ласки. Спать с ним я не буду. Пусть проститутки снимают.

Туркин облегченно вздохнул:

– Как вы будете жить, не касается никого. Ваши семейные дела – это ваши семейные дела, и никто в них вмешиваться не будет.

– Ты уверен?

– А кому вмешиваться? Сергей боится своего отца так, что не посмеет пожаловаться. Тот мужик крутой. Разнесет в момент, и так, что мало не покажется. Людмиле, как, впрочем, и Кристине, сама понимаешь, не до вас. У них одна цель – выдоить как можно больше из своих пожилых мужей. Так что вмешиваться в вашу будущую семейную жизнь будет некому!

Валентина подошла к отцу:

– Ты только что сказал, что Кристина живет с тобой лишь для того, чтобы доить тебя. Ты действительно так считаешь?

– А разве я не прав?

– Ну, не знаю. Но ты-то любишь ее, раз женился?

– Нет, Валя, не люблю. Да, с ней хорошо в постели, ее можно вытащить в свет, показать, смотрите, я такой же, как все, у меня молодая жена, что сейчас модно, но в своей жизни я любил как женщину только твою мать. Если бы не ее смерть... все было бы по-другому.

– Значит, Кристина для тебя лишь игрушка?

– Можно сказать и так, но... Валюша, время разойтись. Тебе надо подготовиться к встрече жениха. Не буду мешать. А я отдохну с книгой на балконе.

Валентина неожиданно обняла отца:

– Какой же ты у меня несчастный, папа! Может, бросишь все свои дела? Я выйду замуж за человека, которого люблю, у нас будут дети, жить есть где. Будешь с внуками играть. Любимый футбол смотреть...

– Нет, доченька, не получится! Слишком поздно для того, чтобы что-то кардинально менять. Тот локомотив, на который я когда-то удачно заскочил, набрал слишком большую скорость, чтобы с него можно было спрыгнуть, не сломав шею. Будь я один, возможно, и решился бы на последний прыжок, но я не могу оставить тебя. А посему должен и дальше мчаться на этом локомотиве. Только вперед, в неизвестность. Вот так! Готовься, я пойду переоденусь.

Туркин, как-то старчески сгорбившись, вышел из комнаты дочери, а Валентина впервые за все годы жизни почувствовала, что до сих пор совсем не знала, не понимала своего отца. И только сейчас он предстал перед ней таким, каким был на самом деле. Богатым, но глубоко несчастным человеком, официально женатым, но фактически не имеющим семьи. И то, что она, Валентина, не безразлична ему.

Подойдя к трельяжу, она подумала: «Как же тяжело вот так жить, по сути, постоянно играя чужую для себя роль. Но отец сам выбрал свой путь. И он дается ему тяжело. Однако изменить уже ничего нельзя. В этом он прав. Как журналист телеканала, она знала, вопреки мнению отца, что происходит с теми, кто пытается выйти из игры, задевая чужие интересы. Большой игры, большого бизнеса и большой политики. Сейчас отцу нужна помощь, значит, она поможет ему. Тем более что брак с Шахристовым по сути будет фиктивным и никому вреда не принесет. За свои двадцать пять лет Валентина Туркина еще не встретила того, ради которого могла бы пожертвовать всем. Она еще не любила никого. Мимолетные увлечения, скоротечные, приносящие больше разочарования, нежели удовольствия, связи не в счет. Настоящей любви Валентина еще не познала. Так что, выходя замуж за Шахристова, она никого не обманывала, никому не изменяла. Равно как и жить с этим золотым мальчиком не собиралась. А штамп в паспорте? Кто на него смотрит?»

В комнату вошла домработница Лиза, миловидная, застенчивая, стеснявшаяся своей полноты деревенская девушка:

– Валентина Борисовна, приехал Сергей Эдуардович Шахристов. Он с огромным букетом цветов, просил узнать, примете ли вы его?

Валентина усмехнулась:

– Смотри, какой кавалер. Сама элегантность. Он тебе нравится, Лиза?

Девушка смутилась:

– Вы спросите тоже, Валентина Борисовна?! Что ответить, не знаешь!

– Правду, Лиза!

– Правду? Ну если по правде, Сергей Эдуардович, конечно, человек достойный, красивый, холеный, воспитанный, но, знаете, Валентина Борисовна, все же он какой-то ненастоящий. Не мужик. Нет в нем стержня. Одна красивая оболочка, как обертка от конфетки.

Валентина рассмеялась:

– Как ты точно заметила, Лиза! Обертка от конфетки. А ведь более точной характеристики моему жениху, пожалуй, и не дашь.

– Вы уж извините меня, Валентина Борисовна, если сказала не то, что надо, но вы...

– Да все нормально, Лиза! Не переживай. А Сергею Эдуардовичу передай, пусть пройдет в беседку. И немного подождет. Я приду туда. Совсем скоро!

– А может, проводить его?

– Не заблудится. Он же здесь не первый раз!

Девушка ушла. Валентина выглянула в окно. Возле черного нового джипа стоял прилизанный, ухоженный Шахристов-младший. Он был в летнем костюме и держал в руках букет цветов. Лиза подошла к нему, что-то сказала. Не ответив девушке, Сергей пошел к беседке. Надев легкое, короткое платье, удачно подчеркивающее красивую фигуру, Валентина прошла через каминный зал к тыловому выходу из особняка. Обошла кустарники сирени, подошла к беседке:

– Привет!

Присевший на скамейку Шахристов вскочил:

– Валя?! Так неожиданно, я ждал тебя от центрального входа. Здравствуй! – Он похотливым взглядом пробежал по фигуре невесты. – Как же ты красива! С ума сойти! С таких женщин великие художники самые лучшие картины свои писали. Взять, к примеру...

Шахристов явно желал блеснуть поверхностными знаниями в живописи, но Валентина не захотела это слушать:

– Не надо ничего брать, Сережа! Какой у тебя шикарный букет. Не иначе, под заказ собирали.

– Конечно! В самом лучшем цветочном магазине Москвы.

– Он для меня? Или для мачехи, Кристины?

– Ну что ты? Конечно, для тебя.

Валентина вошла в беседку. Шахристов протянул ей букет:

– Держи, дорогая!

– Спасибо! Признаюсь, очень приятно!

– Но это еще не все! – Сергей попытался изобразить загадочное выражение на лице, что удалось ему плохо... – А еще прошу принять вот это!

Он протянул Валентине красную бархатную коробочку.

Валентина открыла коробку. В паз подушечки из голубого шелка было вставлено осыпанное мелкими бриллиантами кольцо.

– Кольцо? Интересно!

Шахристов-младший поправил костюм:

– Это обручальное кольцо. Прошу принять его с предложением стать моей женой!

– А не слишком ли ты торопишься, Сережа?

Шахристов принял важный вид и стал как две капли воды похож на своего отца, высокопоставленного чиновника:

– Я, дорогая, привык принимать решения быстро. Полюбив тебя с первого взгляда, я не могу ни о ком и ни о чем думать, кроме тебя и всего того, что тебя окружает. Я влюблен, а посему вправе совершать любые поступки. Они оправданы любовью и страстью. Ты, конечно, можешь отказать мне, но тогда... тогда я не смогу жить. И это не пафос, это правда. Я без ума от тебя, Валя. Будь моей женой, и, клянусь, я превращу твою жизнь в рай!

Валентина усмехнулась:

– Да я вроде и так неплохо живу. – Но, вспомнив разговор с отцом и скорую командировку, тут же добавила: – Что не означает желания остаться старой девой. В отличие от тебя сказать, что люблю, не могу, но ты нравишься мне. А любовь начинается с симпатии. Я... принимаю подарок, – она надела кольцо на безымянный палец, – но... как женщина строгих

правил, – при этих словах Валентина улыбнулась, – должна подумать перед тем, как принять или отвергнуть твое предложение. Ведь семья – это серьезно!

– Да, да, конечно! Я понимаю, что тебе надо все обдумать, посоветоваться с папой. И я готов подождать.

– Спасибо, Сережа, ты очень чуткий человек. А кольцо очень красивое. Мне оно нравится.

– Я долго выбирал его. Пытался угадать твой вкус. И счастлив, что угадал!

– Еще раз спасибо!

Валентина, увидев домработницу, крикнула:

– Лиза, подойди, пожалуйста!

Подошла Лиза. От Туркиной не укрылось, как ее фигуру оценивающе осмотрел Шахристов.

Валентина передала девушке букет:

– Отнеси, пожалуйста, в мою комнату!

– Хорошо!

Шахристов небрежно сказал:

– И не забудь, девица, поставить букет в вазу с водой!

– Я знаю!

– Вы, прислуга, много чего знаете. Особенно того, что вас не касается. И сейчас не надо бросать реплик. Все, что от тебя требуется, это выполнить распоряжения хозяев. Ты поняла, Лиза?

Девушка покраснела:

– Да, поняла!

– Ступай, любезная!

Лиза чуть ли не побежала к дому.

Туркина с упреком взглянула на жениха:

– Ну зачем ты так грубо с ней?

– С прислугой, Валечка, по-другому нельзя. Иначе на шею сядут, станут проявлять своеволие, что недопустимо. Прислуга должна бояться хозяев, только тогда в доме будет порядок.

– А разве прислуга не такие же граждане России, как ты, я, наши отцы?

– Дорогая, тебе ли объяснять, что глупость о всеобщем равенстве давно канула в Лету. И слава богу. Наступили новые времена. Мы – элита. Так распорядилась судьба. Она выбрала нас в качестве новых хозяев жизни. И не наша вина, что другие люди, большинство других людей такого подарка судьбы не получили. И это нормально, что одни живут лучше, другие хуже. Ведь так было всегда! И при царизме, и при Советской власти. Разве партийная номенклатура жила так же, как остальной народ? Нет! Она жила лучше, потому что правила. Сейчас наступило время править нам. Нашим родителям, нам с тобой. А тех, кто правит, управляет, имеет деньги, должны обслуживать те, кто не смог подняться. Но они не бесплатно обслуживают нас. Мы им за это деньги платим. Неплохие деньги. А раз платим, то имеем право знать, за что. Требовать качества обслуживания.

– Ты как будто оправдываешься, Сережа?

– Я? Оправдываюсь? Нет, дорогая, я хочу объяснить тебе свою жизненную позицию. Если ты с чем-то не согласна, скажи! Подискутируем. Я, честно говоря, люблю дискутировать и, не желая быть нескромным, все же замечу: мало кому удавалось опровергнуть мои доводы.

Валентина улыбнулась:

– А еще, кроме дискуссий, ты чем-нибудь занимаешься?

Шахристов взглянул на невесту. Если бы не приказ отца жениться на этой правильной журналистке, то Сергей давно послал бы ее подальше. Ни одна баба для Шахристова-младшего не стоила особого внимания. Да, дамочка привлекательная, сексуальная, наверняка и в постели

страстная, но таких можно ежедневно получать из модельных агентств молодой мачехи. Пачками. Да и Людмила, супруга отца, не отказывала Сергею в ласках. Но отец приказал, а его приказ для сына был закон! Посему, зная, какую выгоду от брака с Туркиной получает Шахристов-младший, последний вынужден был играть роль влюбленного до безумия жениха. Вздыхнув, он произнес:

– Ты, кажется, подкальываешь меня?

– Ну что ты, Сережа? Может быть, не так выразилась? Извини. Я не хотела тебя обидеть!

– Тебе, дорогая, простительно все!

– Ну, ладно, ладно, Сережа. Ничего я не забыла. Просто ты так увлеченно пытался доказать мне очевидное, что я сделала неправильные выводы. Больше этого не повторится. Честное пионерское!

Шахристов выдавил из себя улыбку:

– Будем считать, проехали. И ну их всех к черту! И хозяев, и прислугу. Я вот что хотел спросить, как ты смотришь, чтобы в воскресенье отдохнуть у меня дома? Я живу один. Никто нам не помешает. Приготовим шашлык под французское шампанское. Вернее, приготовлю шашлык я. И такой, что пальчики оближешь. Вечером потанцуем, у меня прекрасная импортная аппаратура и набор шикарных дисков. А потом... потом мы подарим друг другу наслаждение. Ведь по сути, для чего живет человек? Чтобы наслаждаться жизнью. Так насладимся и мы. А я сделаю для тебя такое... но это пусть останется пока секретом. Так как? Что скажешь?

– Почему бы и нет?

Глаза Шахристова заблестели:

– Ну и отлично! Может быть, тогда ты и ответ на предложение стать моей супругой дашь?

– А он тебе нужен? По-моему, с согласием провести ночь у тебя дома ты получаешь и ответ на свое предложение!

– Дорогая! Ты, ты просто прелесть. А любовь и страстное желание разрывают меня буквально на куски.

– Надеюсь, до послезавтра ты все же как-то справишься со своей яростной страстью?

– Справлюсь, но кто бы знал, каких усилий мне будет это стоять.

– Эти усилия и оценены будут по достоинству! Но давай договоримся! К тебе поедем после обеда.

– Почему не с утра?

– Потому что, дорогой, – и запомни это на будущее, – я по выходным отсыпаюсь.

– Понял, запомню. После обеда так после обеда. Если в 14:00 заеду, будет нормально?

Валентина ответила:

– Лучше после трех!

– Хорошо! Значит, в воскресенье, в 15:30, моя машина будет стоять у ворот вашего дома!

– И мы тут же поедем к тебе.

– Прекрасно! Договорились!

К беседке подошел старший Туркин:

– Рад приветствовать тебя, Сережа, как твои родители? Собственные дела?

Шахристов ответил:

– Здравствуйте, Борис Анатольевич, папа и Людмила в порядке, просили вам привет передать. У меня тоже все нормально.

– За привет спасибо, и от меня передай родителям пожелания всяческих благ. – Изобразив улыбку, Туркин задал последний вопрос: – Как у тебя, Сережа, в личной жизни?

– А в личной еще лучше, Борис Анатольевич, я сделал предложение вашей дочери, и она...

Валентина продолжила за Сергея:

– И она взяла время подумать, практически уже приняв это предложение.

– Ну и прекрасно! Лучшего супруга своей дочери я и пожелать не мог. Рад! Очень рад! Значит, мы с Эдуардом Семеновичем можем обсудить дату свадьбы?

Валентина обняла отца:

– Можешь, папа! И дату, и место!

– О, место уже определено. Вся Россия узнает о вашем бракосочетании.

– А может, сыграем ее скромно?

– Скромно? Я отдаю замуж единственную дочь и скромно? Ну нет! О ней долго будут говорить в высшем свете! И, пожалуйста, не пытайся переубедить меня!

Валя, притворно вздохнув, согласилась:

– Ну ладно! Делайте, как хотите! Да, папа, Сережа в воскресенье пригласил меня к себе. Думаю, раньше ужина понедельника в «Марьин ручей» не вернусь. Поеду на работу от Сергея. Ты не против?

– Ну как я могу быть против? Конечно, поезжай. А насчет работы? Подумай, стоит ли она того, чтобы тратить на нее и здоровье, и нервы, получая какие-то гроши.

Голос подал Шахристов:

– После свадьбы, Борис Анатольевич, все изменится. Через какое-то время Валентине будет не до работы.

Туркин рассмеялся:

– Да, да, конечно. О внуках я как-то сразу не подумал. Ну что, побудете еще в парке или пройдем в дом? Там стол накрыт.

Валентина взглянула на жениха:

– Что будем делать, Сережа?

– Пройдем в дом, а то здесь жарко.

Туркин согласился:

– Да, июль в этом году выдался жарким. Вновь леса гореть будут. Пойдемте.

Старший Туркин, Валентина и Шахристов-младший прошли в дом, где в столовой был накрыт изысканный стол. Борис Анатольевич выпил коньяку, Валя пригубила вино, Сергей ограничился минеральной водой, ему предстояло еще вести машину. Пообедали. После чего все вместе проводили жениха. Кристина все время присутствия в доме Сергея на люди не вышла, прикинувшись больной. Она не хотела встречаться с молодым человеком, с которым на завтра у нее было назначено свидание в одном из номеров дорогого столичного отеля. Шахристов-младший успевал везде. В смысле чрезмерно увлекался женщинами.

Оставшись у фонтана вдвоем с дочерью, Туркин спросил ее:

– На какую дату назначить свадьбу, Валюша?

– Мне без разницы, папа. Этот вопрос решай без меня.

– Хорошо!

Туркин увидел кольцо на руке дочери:

– Сергей подарил?

– Да! Обручальное!

– Красивое кольцо. И дорогое!

– При папиных деньгах и собственном завышенном самомнении ему делать дешевые подарки просто неприлично.

– Будь помягче с ним, Валя. Такие, как Сереженька, жить не могут без того, чтобы им не уделялось повышенного внимания, чтобы их постоянно не хвалили.

– Ну уж нет. Покорности и дифирамбов он от меня не дождется. Как и близости.

– Так ты разрушишь брак раньше времени.

– Не волнуйся! Нужный тебе срок Сережа Шахристов будет моим мужем. Я знаю, как вести себя с такими, как он.

– Ты действительно вся в меня!

Валентина вздохнула:

– Вот только не знаю, хорошо это или плохо. Все же я женщина.

– Иметь твердый характер, уметь добиваться поставленной цели – качества, присущие сильным людям. А в наше время быть слабым нельзя, даже женщинам.

– Ладно, папа, пойду я отдохну, а то от вина или от общения с Сереженькой голова разболелась.

– Иди, дочь, иди! Отдыхай!

Валя прошла в свою комнату, легла на прибранную софу. Кондиционер приятно охлаждал тело. Спустя несколько минут Валентина Туркина уснула.

А Туркин прошел к озеру. Выйдя на причал, достал сотовый телефон, нашел в памяти аппарата нужный номер, нажал клавишу вызова. Послышались длинные гудки. Затем строгий, властный голос:

– Борис Анатольевич? Добрый день!

– Здравствуй, Эдуард Семенович!

– Мой оболтус был у вас?

– Был! Недавно уехал!

– И как наши дела?

– Все нормально. Сергей сделал дочери предложение, Валентина приняла его. Воскресенье и ночь на понедельник собираются провести в доме твоего сына.

Шахристов, а это ему звонил Туркин, проговорил:

– Это хорошо! Это очень хорошо! Теперь мы можем назначить дату свадьбы? Думаю, не следует затягивать этот вопрос.

Туркин сказал:

– Сначала, Эдуард Семенович, я должен получить то, что было оговорено ранее.

– Помню. На ближайшем совете директоров интересующей тебя компании ты будешь избран его председателем.

– Без единой акции?

– С контрольным пакетом, который приобретешь на закрытом аукционе, что состоится во вторник 12 числа в 10:00 в малом зале Промышленного комитета. Приобретешь по номинальной цене, практически даром.

– Отлично. Вот как только я приобрету этот пакет и займу кресло председателя совета директоров интересующей меня компании, мы и согласуем дату свадьбы наших детей! А заодно обговорим и твою долю в прибыли нового предприятия!

– Согласен!

– Мы встретимся на аукционе?

– Нет! Там будет мой заместитель.

– Костя?

– Да! Он проконтролирует проведение аукциона.

– Что ж! Прекрасно!

– До свидания, Борис Анатольевич!

– Всего самого наилучшего, Эдуард Семенович!

Туркин выключил телефон. Резко выдохнул из легких воздух:

– Ху!

Подумал: вот так! Во вторник он станет еще богаче. А по осени можно будет начать спонсирование ведущей в стране политической партии. Пора пробиваться во власть. Дабы не зависеть от таких деятелей, как господин Шахристов. Настанет время, и Туркин посмотрит на его физиономию, когда тот поймет, что его банально обвели вокруг пальца. Но что-либо менять будет уже поздно. Не пойдет же уважаемый Эдуард Семенович в Генеральную прокуратуру или в ФСБ сдавать самого себя? Придется отойти на второй план. И отойдет ныне высокопо-

ставленный, влиятельный чиновник. Никуда он на хрен не денется. А Валентина бросит его соплёка, оттяпав самую крупную и доходную туристическую фирму. Шахристов решил прибрать к рукам его, Туркина, бизнес, а в итоге отдаст свой. Не весь, конечно, но задуманная им операция будет для афериста ошутимым ударом. Ничего не поделаешь, среди хищников выживает и главенствует сильнейший. И умнейший. А Шахристов явно недооценивает Туркина, наверняка считает его наивным в политических играх дилетантом. Заблуждается Эдуард Семенович. Ну и пусть продолжает заблуждаться. Тем сладостней будет миг победы. «Так, надо вызвать адвоката, пусть начинает составлять брачный контракт. Его следует составить так, чтобы потом ни один суд не смог признать недействительным. Иосиф составит. Он мастак на подобные штучки. Собаку в этих делах, можно сказать, съел. Да, надо вызывать адвоката».

Туркин, подойдя к кромке причала, вновь достал свой дорогой сотовый телефон.

* * *

В это же время в тридцати километрах от Москвы с шоссе к придорожному кафе съехал черный «Форд». Водитель, немолодой уже человек, открыл чемоданчик, лежавший на переднем сиденье, достал из него телефонную трубку со сложенным толстым и коротким стержнем антенны. Привел спутниковый телефон в рабочее состояние. В 17:30 набрал длинный номер. Ему ответил хриплый голос с ярко выраженным восточным акцентом:

– Слушаю!

– Ассолом аллейкум, уважаемый Исмаил-Хан!

– Ва аллейкум ассолом, друг. Говори, что хочешь сказать!

– Интересующая вас съемочная группа вылетит в Афганистан послезавтра в воскресенье.

– Это хорошая весть. Наша золотая птичка вошла в состав съемочной группы?

– Да!

– Это проверенная информация?

– Да!

– Очень хорошо. Маршрут следования русских телевизионщиков в Афганистан тебе известен?

– Известен, Исмаил-Хан! В 10:30 московского времени съемочная группа вылетит в Ташкент. Далее следует в Термез, откуда вертолетом будет переброшена в Кабул. Из Кабула тем же или другим вертолетом группу доставят в квадрат... той карты, что ты владеешь. Это плато между барриарской «зеленкой» и горным перевалом. Там телевизионщиков должны встретить люди Абдула, чтобы доставить в Барриар.

– Я понял тебя, друг! Благодарю за работу. Как только птичка будет у меня, на твой счет в Испании я переведу всю оговоренную сумму. У тебя все?

– Да!

– Проконтролируй вылет группы из Москвы, от Ташкента ее поведут уже мои люди!

– Хорошо! Мне сообщить вам, когда самолет поднимется в небо?

– Не надо! Связь поддерживаем только в экстренных случаях, но надеюсь, таковые обойдут нас стороной!

– Я все понял, саиб!

– До свидания, друг, и еще раз спасибо!

– Удачи вам, уважаемый Исмаил-Хан!

Водитель черного «Форда» отключил станцию, положил обратно в чемодан. Вышел из салона. Присел за столик, стоявший в тени развесистой березы. Подошел официант. Немолодой человек заказал три порции шашлыка из баранины и банку холодного безалкогольного пива. В ожидании выполнения заказа закурил, задумавшись. Свое дело он сделал, теперь все

в руках Всевышнего и влиятельного в Афганистане полевого командира Исмаил-Хана! Через полчаса «Форд», развернувшись, отправился обратно в Москву.

Глава 2

Ближнее Подмосковье.

Охраняемый коттеджный поселок «Марьин ручей», суббота, 9 июля.

Сотовый телефон Валентины Туркиной издал сигнал вызова в 9:20, когда молодая женщина еще нежилась в постели. Иногда в выходные она позволяла себе это.

Туркина, определив по дисплею абонента, директора телеканала Ненашева, ответила:

– Да, Юрий Павлович?

– Ну, во-первых, доброе утро, красавица, не разбудил?

– Доброе утро, не разбудили, что во-вторых?

– А во-вторых, тебе надо приехать в студию. В 13:00 я решил провести совещание. Как тебе такой сюрприз?

– Сюрприз отменный, спасибо! Если не секрет, чем вызвано ваше решение о проведении совещания?

– Поездкой съемочной группы в Афганистан.

– Вот как? Возникли какие-нибудь проблемы с командировкой?

– Нет! Но не будем зря тратить деньги на телефонный разговор. Обсудим ситуацию в офисе.

– В 13:00?

– Именно. Сейчас в столице пробок нет, так что прошу, Валентина Борисовна, прибыть в офис без опоздания.

– Вам когда-нибудь встречалась женщина, которая не опаздывала бы на встречи?

– Уверен, ты будешь первой! До встречи, Туркина!

– До свидания, Юрий Павлович.

Валентина отключила телефон, стерев из «телефонной книжки» последний звонок, поднялась с постели, прошла в душ.

Около двадцати минут наслаждалась прохладными, упругими струями воды. Высушила феном волосы, длинные, светлые, густые. Уложила их в пучок, оставив завитушки на висках. Надела джинсы, майку без бюстгалтера, обулась в новые кроссовки. Вышла на балкон, опоясывающий весь дом. Увидела рабочего гаража. Крикнула:

– Дядя Степа!

Рабочий в форменной одежде поднял голову:

– Здравствуй, хозяйка!

– Да какая я тебе хозяйка, дядя Степа?

– Ну как же, самая что ни на есть настоящая.

– Настоящая Кристина Арнольдовна, а я... так себе.

– Нет! Это Кристина Арнольдовна так себе...

– Ну, ладно, не будем спорить. Я хочу попросить тебя, дядь Степ, проверить мою машину. Заправить, если надо. Через полчаса поеду в город.

– И ты тоже в город?

– А кто еще?

– Да вот и Кристина Арнольдовна в Москву собралась, правда, попозже, после обеда, но тоже только не попросила, а потребовала подготовить ее красный «Пежо». А чего его готовить? Новая машина и не «Жигули».

– Интересно, куда Кристина собралась? Впрочем, какая разница. Так ты посмотришь машину?

– Конечно. Это же моя обязанность. Могу к дому подать.

– Лучше к воротам, если не затруднит.

- Будет сделано, Валентина Борисовна!
- Спасибо, дядя Степа, хороший ты человек!
- Не за что!

К Валентине подошел облаченный в халат Борис Анатольевич Туркин:

- Здравствуй, дочь! И далеко ты собралась?
- Здравствуй, пап. В офис телеканала. Директор объявил совещание на 13:00.
- Твоему Ненашеву больше делать нечего, как отрывать людей от отдыха в нерабочее

время?

– Папа, ну тебе ли объяснять, что распоряжения начальства не обсуждаются, а выполняются. Сам-то никогда не вызывал подчиненных на работу в выходные дни?

– Сравнила корпорацию с каким-то телеканалом. У меня производство, а у вас что? Сплошная болтовня?

– Ты забываешь, что СМИ – четвертая власть!

– Ну, конечно, если она не контролируется первыми тремя властными структурами. А у нас в стране независимых СМИ не было, нет и никогда не будет.

– Считай, как хочешь, мне пора ехать!

– Когда обратно ждать-то?

– Я позвоню, как поеду домой!

– Не забудь, как всегда.

– Не забуду, пока!

– Пока!

Чмокнув отца в щеку, Валентина спустилась во двор, прошла к воротам пропускного пункта, и вскоре ее серебристая «Ауди», миновав пост общей поселковой охраны, поехала к шоссе, ведущему в столицу.

Она прибыла в офис в 12:50.

Сразу прошла в кабинет директора, минуя студию, где монтировались передачи эфиров ближайших дней.

В кабинете находился один Ненашев:

- Еще раз здравствуйте, Юрий Павлович! Кажется, я прибыла первой?
- Как это ни странно, да! Кофе, чай, прохладительные напитки?
- Кофе! Но только готовить его вам придется самому. Приемная пуста.
- А где Виктория?
- Вы у меня спрашиваете?
- Черт-те что, опять упорхнула в студию развлекательных программ.
- Мультфильмы смотреть? Мой вам совет: возьмите в секретари пожилую женщину.

Понимаю, сегодня это не модно, зато надежно.

– Я учту твои пожелания!

Ненашев включил аппарат селекторной связи. Крикнул в микрофон:

– Секретарю директора немедленно прибыть на свое рабочее место.

Связь сработала. Миниатюрное личико молоденькой Виктории появилось в дверях кабинета:

– Извините, Юрий Павлович, я отлучилась ненадолго. Что прикажете?

– Во-первых, без разрешения больше никуда не отлучаться, а во-вторых, сделать нам с Туркиной по чашке кофе.

– Секундочку!

Секретарша скрылась в приемной. Валентина спросила:

- У Виктории вообще бывают выходные или она по контракту лишена их?
- К чему ты клонишь?
- К тому, что девушке хочется погулять.

– Мне тоже много чего хочется, однако я...

Валентина прервала директора:

– Не продолжайте. Вспомните, сколько владелец платит вам и сколько получает секретарь.

– Я ее в приемную силой не тащил. Сама пришла и работой своей довольна.

– Ну, раз довольна, то пусть пашет, как лошадь. Однако вам, как человеку образованному и порядочному, должно быть известно, что секретарь у нас в стране имеет равные права и с вами, и со мной, и с депутатами разных уровней, и самим Президентом. Права, закрепленные Конституцией. А что такое Конституция? Правильно – Основной Закон Государства.

Вошла Виктория, поставила на журнальный столик поднос:

– Ваш кофе, Юрий Павлович!

– Спасибо! И скажи мне, Вика, когда у тебя в последний раз были выходные дни?

Девушка пожала плечами:

– Не помню! Недели две или три назад!

– А погулять, наверное, хочется?

Вика улыбнулась:

– Кому же погулять не хочется?

– Так почему ты молча выходишь каждый день на работу? Вот сегодня, например, суббота, а ты в офисе. Разве я приказывал тебе выйти сегодня на работу?

– Но, но... если работаете вы, то должна работать и я.

– Кто тебе это сказал?

– Никто! Вы... вы недовольны мной? Я делаю что-то не так?

На глазах у Виктории выступили слезы.

Ненашев указал Туркиной на секретаря:

– Вот, полюбуйся. Я спрашиваю, почему она на работе в выходной день, а в ответ слезы.

Валентина подошла к секретарю:

– Ну, что ты, Вика?! Юрий Павлович не хотел тебя обидеть. И он очень доволен твоей работой. Просто он иногда забывает, что ты, как и все, имеешь право на отдых. И не надо без официального приказа или личной просьбы директора выходить на работу в выходные дни.

Девушка всхлипнула:

– Да, не надо выходить. А потом выставят за дверь, где я еще такую работу найду?

Тут уж не выдержал Ненашев:

– Ну о чем ты говоришь, Вика! Не выгоню я тебя, не... вы-го-ню! И в выходные отдыхай, вот только сегодня прошу остаться, пока не закончится совещание, договорились?

– Да, конечно!

– Тогда приведи себя быстренько в порядок и иди в приемную. Пригласи в кабинет тех, кто уже собрался там!

– Хорошо! Будет сделано, Юрий Павлович. Вы совсем о кофе забыли.

– Ничего. Все в порядке!

Дождавшись, когда секретарь выйдет, Валентина укоризненно покачала головой:

– Зашугал девочку, деспот!

– Ой, не надо, Валя, ладно? Никто...

Договорить он не успел.

В кабинет начали входить вызванные на совещание сотрудники телеканала, а именно: заместитель директора Галимов Рамазан Галимович, старший съемочной группы, отправляемой в Афганистан, режиссер Сергинский Антон Дмитриевич и оператор Дольский Владимир Алексеевич. Ненашев предложил всем занять места за столом совещаний. Валентина устроилась рядом с оператором Дольским, с которым поддерживала приятельские отношения. Спросила шепотом:

– Как дела, Вова?

Дольский ответил обычной для себя фразой:

– Могло быть гораздо лучше, Валя! А ты как?

– Терпимо!

– Ну, если у тебя терпимо, что говорить обо мне?

Ненашев попросил тишины:

– Успокойтесь и прекратите разговоры. Я собрал вас сегодня здесь потому, что завтра мы уже не увидимся. Имею в виду съемочную группу. А посему решил, как и положено, проинструктировать вас. Все вы прекрасно понимаете, что Афганистан не просто государство, с которым у нас установлены дипломатические отношения. Афганистан – воюющая страна, разделенная и практически неуправляемая официальным правительством. Американцы хоть и пытаются делать хорошую мину при плохой игре, но уже всем ясно, войну в Афганистане они проиграли и сохраняют свое присутствие там для того, чтобы не опозориться по полной программе. Сохраняют присутствие, по сути, закрывшись в укрепленных фортах, отбивая нападки противника. Вновь подняли голову талибы. Их отход в Пакистан явился отвлекающим маневром. Талибан сохранил свою мощь и по-прежнему опасен. Для чего я все это говорю? Для того, чтобы вы, Сергинский, Дольский и Туркина, ни на секунду не забывали, где работаете. Главное – это ваша личная безопасность. И если бы не гарантии Абдула, пригласившего нас в Афганистан, я ни за что не послал бы туда съемочную группу. Группе, находясь в Афганистане, ни в коем случае не проявлять никакой самостоятельности. Ваша задача – встретиться с Абдулом, взять у него интервью, заснять место захоронения десантников и покинуть страну. Все! Никакие события, какими бы сенсационными они ни были, не должны вас интересовать. Лишь определенное задание командировки. Теперь еще раз о маршруте переброски съемочной группы в Афганистан. До Термеза, я думаю, все понятно. Используем гражданскую авиацию России и Узбекистана. Из Термеза в Кабул группу доставит вертолет Красного Креста. Договоренность с представителями этой международной организации в восточном регионе достигнута. А вот из Кабула до места встречи с людьми Абдула придется лететь на вертолете весьма сомнительной частной авиакомпании Афганистана. Но Абдул гарантировал надежность и этого этапа маршрута.

Заместитель директора произнес:

– Не много ли берет на себя бывший полевой командир моджахедов Абдул? С его слов получается, что он может гарантировать все и вся! Так ли это на самом деле?

Директор ответил:

– Я связывался с ФСБ, когда решался вопрос о разрешении вылета в Афганистан съемочной группы канала. На Лубянке мне ответили, что Абдул в настоящее время является заслуживающим доверия, авторитетным человеком в провинции, где расположено его селение. Думаю, он работает на ФСБ. Открыто мне об этом, понятно, не сказали, но вроде как намекнули, заверив, что Абдулу мы можем доверять полностью! И еще: то, что его люди действительно реально контролируют обстановку в своем районе.

Галимов пожал плечами:

– Ну, если ФСБ доверяет Абдулу, то вопросов по нему нет.

Директор обвел взглядом членов съемочной группы:

– Понимаю неординарность предстоящей командировки, я не хочу кого-то силой отправлять в Афганистан, и если кто-нибудь из присутствующих не желает лететь за «речку», настаивать не буду. Правда, это отложит командировку на несколько дней для переоформления документов, но я готов пойти на это. В Афганистане мне нужны добровольцы, письменно подтвердившие свое согласие лететь в воюющую страну. Поэтому спрашиваю, отказники есть?

Первым ответил Сергинский:

– Я готов подписать любые бумаги и лететь в Афганистан.

Ему вторил Дольский:

– Да чтобы упустить такую возможность заснять настоящих духов, никогда. Я лечу!

Ненашев взглянул на Туркину:

– Валентина?

– Наивный вопрос. Конечно, лечу! Давайте ваши бумаги.

Директор облегченно вздохнул. Замена даже одного члена съемочной группы обошлась бы ему из-за переоформления документов потерей как минимум недели. А за это время в Афганистане многое могло измениться. И в итоге рухнуть сенсационное дело.

Он раздал сотрудникам канала по листу стандартной бумаги. Члены съемочной группы в произвольной форме заявили о своем добровольном желании участвовать в мероприятиях телеканала на территории Афганистана.

Заполучив нужные, страхующие директора документы и спрятав их в несгораемый сейф, Ненашев сказал:

– А теперь предлагаю немного выпить за успех предстоящего дела, которое сделает вас знаменитыми. Если мы получим качественный материал, по информации Абдула, то он привлечет внимание всех ведущих СМИ, и электронных, и печатных. А что это такое, мне вам объяснять не надо.

Оператор радостно потер руки:

– Выпить не помешает! Это по-нашему, по-русски! Только где? Здесь в кабинете как-то несерьезно, да и для других пример плохой.

Директор сказал:

– Всем известен ресторанчик, что находится через квартал. Туда и предлагаю пойти. В это время нам никто не помешает!

Сергинский согласился, Галимов сослался на работу и личные дела, Валентина ответила:

– Мне пить нельзя, за рулем! Но компанию поддержу, тем более спешить мне в отличие от Рамазана Галимовича некуда!

Ненашев, как истинный журналист, любивший иногда хорошо выпить, сказал:

– Ну вот и договорились. Идем в ресторан.

Дольский спросил:

– По сколько сбрасываемся?

Директор делано обиделся:

– Ну о чем ты, Володя. Все расходы берет на себя телеканал.

Оператор улыбнулся:

– Тогда можно вырубить ограничитель. И набраться по полной. Лишь бы успеть предупредить официанта организовать такси по нужному адресу.

Валентина одернула приятеля:

– Я тебе нажрусь. Лично следить за тобой буду!

– Сколько угодно, мадам. Но я шучу, Валя. Завтра же лететь. А с бодуна я очень плохо переношу различные перегрузки. Так что ограничитель оставляю включенным!

– Вот это другое дело!

Журналисты прошли в уютный ресторанчик. Заказали спиртное, прохладительные напитки, горячее на обед и всевозможную закуску.

Около пяти часов Валентине позвонил отец. Она отошла к балкону и ответила на вызов:

– Да, папа?

Туркин спросил:

– Слушай, а ты не в курсе, куда поехала Кристина?

– Нет! Наверное, шатается по магазинам. Она до них большая любительница. Да ты ей на сотовый позвони.

– Пробовал. Недоступна.

– Могла нечаянно выключить телефон, Кристина же забывает обо всем на свете при виде дорогих шмоток.

– Ладно, вернется, никуда не денется. Ты-то когда подъедешь?

– Папа?! Тебе скучно одному дома? Пригласи друзей!

– Я тебя понял. Будь осторожна. Пока!

– Пока!

Отключив телефон, Валентина подумала:

«Действительно, где может быть Кристина? Да, она любительница дорогих магазинов, но долго бродить по ним не может. Устает. Или ей надоедают слащавые улыбочки продавцов. Но подолгу она в магазинах никогда ранее не задерживалась и, объехав три, четыре супермаркета, часам к трем возвращалась домой. А сейчас задержалась. Да в принципе и черт с ней!»

Валентина, а тем более ее отец, Борис Анатольевич, даже предположить не могли, что в это самое время в одном из номеров дорого отеля супруга Туркина, Кристина, стонала от ласк жениха Валентины, Сергея Шахристов.

Положив сотовый телефон в сумку, Валя услышала:

– Ленчик, ты посмотри, какая аппетитная телка нарисовалась!

Женщина обернулась на голос. За столиком в углу сидели трое здоровых, короткостриженных, то ли пьяных, то ли находящихся под действием наркотиков парней.

Тот, кого называли Ленчиком, цокнул языком:

– Да, бабенка что надо!

Он обратился к Валентине:

– Девочка, бросай свою зачуханную компанию, присаживайся к нам. Посидим немного да на природу поедим. Трахнемся. Так, что на всю жизнь запомнишь. Мы умеем доставлять женщинам наслаждение.

Валя брезгливо поморщилась:

– Шли бы, недоноски, в притон. К малолеткам. Таким же безголовым, как и сами.

Ленчик поднялся, взглянул на друзей:

– Кот, Сера! Вы слышали, что эта сучка вякнула?

Ответил Кот:

– По-моему, послала нас на хер!

– Да?

В глазах Ленчика возник стальной блеск:

– Тебя, дурочка, не учили, что за базар отвечать надо?

– Да пошел ты!

– Слушай, сука, да я тебя прямо здесь, на этом вот столе, отымею!

Валентина рассмеялась:

– А есть чем иметь-то? Но если хочешь, попробуй! И ближайшую ночь гарантированно в «обезьяннике» проведешь. Вместе со своими друзьями.

Кот попытался успокоить товарища, понимая, что женщина может вызвать охрану, а та милицию. С милицией же троице бездельников встречаться резону не было.

– Да брось ты ее, Ленчик! Телка просто не врубается, с кем базарит. Хрен с ней, пусть валит, такие, как она, у ресторана толпами кружат.

Ленчик указал пальцем в сторону Валентины:

– Вали, но учти, мы еще встретимся. И тогда я порву тебя, как грелку, тварь!

Валентина ответила:

– Грозить пальчиком будешь своим шлюхам, недоносок.

И развернувшись, пошла к своему столику.

Ленчик побагровел, сел на место. Ударил кулаком по столу:

– Нет, эта шлюха в натуре не на шутку достала меня. Кот, наливай, а ты, Сера, следи за ее столом.

– Что ты задумал?

– Проучить эту стерву.

– Да хорош тебе! А если менты?

– Заткнись, Кот! Ты меня знаешь, Ленчик сказал, Ленчик сделает. Надо только подловить ее одну в старых проулках, каких полно вокруг ресторана.

– А если ее провожать кто из мужиков пойдет?

– Вырубим! Ты глянь, в ее компании ни одного стоящего мужика нет. Одни хлюпики. – Он взглянул на дружка. – Я что сказал, Кот?

– Наливать!

– Так наливай! Мне полный!

Валентина, не раз сталкивавшаяся с подобным хамством, как правило продолжения не имевшим, и на этот раз, отойдя от сексуально озабоченных парней, тут же забыла о них.

На вопрос Володи Дольского: «О чем ты с пацанами разговаривала?» – ответила: «Да так, о погоде. Сошлись во мнении, что в этом году июль выдался особенно жарким».

– Не обманываешь? Может, они приставали к тебе? Так я, это, быстро разберусь с ними.

Валя приобняла друга:

– Нет, Володя, они не приставали ко мне! Возможно, потому, что видели, какая у меня защита.

– Ну смотри, а то я вмиг с ребяташками разберусь.

И Дольский, несмотря на далеко не спортивный вид, говорил правду. Мастер спорта по дзюдо, чемпион России, Володя вполне мог уложить молодчиков на пол штабелем. Даже в том состоянии, в котором находился в данный момент. А состояние оператора телеканала уже требовало включения внутреннего ограничителя. Лишь бы он не замкнул, залитый лишним фужером коньяка. Вот тогда от Дольского не будет никакого толку, останутся проблемы, и главная из них – как доставить Володю домой. Ограничитель не сработал, и к шести часам Дольский уткнулся физиономией в стол, мгновенно уснув.

Сергинский воскликнул:

– Вот черт! Не сдержался, Вова! А кто ему последнюю рюмку наливал?

Ненашев приложил руку к сердцу:

– Каюсь, моя работа. Но я не думал, что Вовка отрубится так быстро.

– Да! Теперь придется вызывать такси и ехать с ним, чтобы затащить на четвертый этаж квартиры матери.

Валентина предложила:

– Зачем такси? У меня своя машина недалеко!

Ненашев сказал:

– Не надо! Служебную вызову, водитель и довезет Дольского, не в первый раз.

Продолжать застолье не имело смысла. Директор канала подозвал официанта, рассчитался. Журналисты вышли из ресторана. Ненашев вызвал редакционную «Волгу». Следом за компанией Туркиной двинулась и тройца молодчиков. Она остановилась в фойе, наблюдая за действиями журналистов. Подъехала «Волга». Ненашев передал Дольского, которого держал под руки с Сергинским, водителю. Затем, подумав, сказал, что тоже поедет домой на служебной машине. «Волга» уехала.

Сергинский спросил у Туркиной:

– Ты где оставила машину?

Валентина указала на ближайшую арку в проходные дворы готовящихся под снос старых расселенных домов:

– У магазина «Спорттоваров», ближе припарковаться не удалось.

– А моя стоит у офиса. Тебя проводить до магазина?

– Зачем? Сама дойду.

– Ну смотри, я к офису! Встретимся завтра.

– Лишь бы Вова проспался!

– Проспится. А неплохо посидели, да?

Валентина согласилась:

– Неплохо! До свидания, Антон.

– До свидания, Валя.

Сергинский направился к зданию телеканала «Экспресс плюс», Туркина же пошла во дворы.

Заметив это, из ресторана вышла троица.

Ленчик довольно проговорил:

– Сучка сама себе дорогу в ад выбрала.

Кот попытался остудить пыл главаря маленькой банды:

– Может, пропустим ее. На хрена нам лишние проблемы? Имеющихся выше крыши, только успевай отмазываться.

– Если нас, Кот, загребут менты, то получим не хило. Так какая разница, пришьют нам бабу или нет. Но она пошла глухими дворами, там жителей нет, а значит, и свидетелей. Затащим дуру в подвал, отымеем хором и спокойно слиняем.

Серый спросил:

– А бомжи? Их во дворах полно может быть.

– Но не сейчас! Сейчас эти бедолаги на жратву себе калымят. И какие из бомжей свидетели? Кто их слушать будет? Да и не особо разговорчивы они. Им лишние косяки тоже не нужны. Но хватит болтать, догоняем стерву. Отрубая ее я, вы затаскиваете в подвал, а там... там мы разделаем эту высокомерную шлюху. Двинулись.

Бандиты отошли от ресторана, свернули под арку. Валентина услышала торопливые шаги сзади слишком поздно, чтобы попытаться убежать или спрятаться. Она раскрыла сумочку, достала сотовый телефон, но воспользоваться им не успела. Ленчик схватил Валю за руку:

– Кому звонить собралась, стерва?

Валя крикнула:

– Отпусти меня, ублюдок!

Ленчик с размаху влепил ей пощечину.

– Это тебе за ублюдка, за остальное ответишь в другом месте, я же говорил тебе, коза, за базар отвечать надо. Вот и ответишь!

Валентина поняла, что эти мерзавцы не остановятся, и помощи ей ждать неоткуда, кругом пустые, чернеющие пугающими глазницами проемов выбитых окон дома, и никого, кроме бандитов, рядом. Впрочем, в последнем Валя ошибалась.

* * *

Штаб Главного управления по борьбе с терроризмом, замаскированный под офис коммерческой фирмы, находился недалеко от редакции телеканала «Экспресс плюс». Полковник Потапов приказал Тимохину прислать офицера группы для получения плана предстоящей проверки парламентской комиссией боевых подразделений российских спецслужб. Александр хотел поехать сам, но матери неожиданно стало плохо, следовало определить ее в лазарет закрытого военного городка, и Тимохин отправил в офис Управления капитана Шепеля. И если Валентина припарковала свою серебристую «Ауди» у магазина «Спорттовары», в десяти метрах от здания спецслужбы, то Шепель сумел оставить собственный «Опель» недалеко от ресторана. Приняв от полковника план проверки, Михаил Шепель в одно время с Валею вошел

в лабиринт дворов старых домов. Одет капитан был в гражданский костюм, офицеры «Ориона» вообще практически не надевали военную форму, лишь на церемонии получения наград и торжественных собраний. И сейчас в джинсах, рубашке с коротким рукавом и легких полуботинках он с папкой под мышкой шел к стоянке у ресторана. Непонятный шум Шепель услышал, подходя к арке, за которой начинался пустырь, где бандиты задержали Валентину. Почувствовав неладное, капитан ускорил шаг и вышел на пустырь в тот момент, когда Ленчик нанес пощечину Вале. Ни бандиты, ни женщина его не заметили.

Мгновенно оценив ситуацию, боевой офицер спецназа крикнул молодчикам:

– А ну-ка, мальчики, оставьте в покое женщину.

Кот двинулся навстречу спецназовцу:

– Ты кто такой, мужик? Тебе что, не хватает неприятностей в жизни? А ну иди отсюда по-тихому, иначе...

Шепель положил папку на асфальт, чтобы она постоянно была в поле его зрения.

– И что же будет иначе?

Ленчик крикнул:

– Кот, Сера, мужика отпускать нельзя, глушите его!

Кот медленно надел на руку кастет:

– Вот видишь, мужик, и ты попал. Не надо ходить по пустынным дворам и не надо вмешиваться в дела других. Теперь придется тебя проучить.

Шепель, успевший внутренне собраться и подготовиться к рукопашному бою с противником, не представляющим для спецназовца какой-либо угрозы, усмехнулся:

– Уроды! Это вы попали! Но я готов дать вам шанс не оказаться на больничной койке. Отпустите женщину, и можете проваливать на все четыре стороны, даже не извинившись, чему вы, судя по всему, не научены. А ты... – Шепель обратился к Ленчику, – поаккуратней с дамой. Мой тебе совет: больше не трогай ее, а забирай шоблу и сваливай, пока есть возможность.

Кот заорал:

– Ты чего, совсем оборзел, козел?

Капитан сплюнул на потрескавшийся асфальт:

– Все! Разговор окончен. Вы, придурки, сами сделали выбор. А ну иди сюда, кошка! Давай, давай, смелей.

Кот, привыкший к бытовым дракам, как, впрочем, и остальные его подельники, бросился на Шепеля, пытаясь нанести противнику размашистый, рассекающий кастетом лицо удар. Капитан без труда поймал руку Кота, продернул ее себе под мышку и резко рванул вверх. Раздался хруст сломанных костей и дикий вопль бандита. Этого не ожидал Сера, но он уже сблизился с Шепелем, и ему ничего не оставалось, как попытаться достать капитана ногой. И на этот раз Шепель спокойно отбил удар молодчика и тут же в ответ врезал ногой тому в промежность. Сера повалился на землю. Теперь орали двое бандитов.

Ленчик растерялся. Он не знал, что делать, и сделал то, что первым пришло в его затуманенную и не обремененную умом голову. Видимо, насмотревшись телевизионных боевиков (книги он вряд ли читал), Ленчик обхватил шею женщины, закричав:

– Уйди, сука! Отвали, иначе я придушу эту стерву!

Шепель спокойно сказал:

– Не успеешь, придурок!

Капитан выхватил из-за спины штатный пистолет и повторил:

– Не успеешь, мальчик. Раньше я прострелю твой череп.

Увидев наведенное на него оружие, Ленчик растерялся еще больше. Он оглянулся и, оттолкнув к Шепелю женщину, попытался бежать. Капитан не стал бы его преследовать, но главарю бандитов не повезло. Он споткнулся о ногу Валентины и растянулся на асфальте. Резко

встал и получил в затылок такой сильный удар, что вновь рухнул на землю, потеряв сознание. Капитан сунул пистолет за ремень:

– Ну вот и все!

Взглянул на Валентину:

– Вы в порядке?

Туркина смотрела на Шепеля с нескрываемым восхищением.

– Как это у вас ловко получилось. Несколько движений – и трое бандитов обезврежены.

Вы милиционер?

Вопли Кота и Серы стихли, перейдя в стоны. Капитан ответил:

– Нет, я не милиционер!

– Тогда военный? Десантник?

– И не десантник! Я простой клерк в конторе, что находится неподалеку отсюда.

– У вас в конторе все клерки обучены разбираться с бандитами так, как вы?

– Ну практически все! У нас действует секция рукопашного боя. Тренируемся в свободное время.

– Интересно, и что это за контора?

– Да так, ничего интересного. Контора как контора, работающая по принципу «купи-продай», как, впрочем, и большинство нынешних фирм, компаний, корпораций. Что ж сделаешь, если спекуляция сейчас возведена в ранг бизнеса?

Валентина подошла к Шепелю:

– А как вас зовут?

– Михаил, можно Миша!

– А меня Валентина, можно Валя!

– Очень приятно! Но секунду, этим ребятам нужна медицинская помощь.

Капитан достал сотовый телефон, набрал 03:

– «Скорая»? В одном из проходных дворов, находящихся между рестораном и магазином «Спортовары», трое молодых людей нуждаются в вашей помощи! Да ничего, в принципе, страшного, у одного раздроблен локтевой сустав, у второго повреждена промежность, третий получил сотрясение мозга, если он у него есть... Я кто такой? Обыватель, простой человек, проходивший мимо и увидевший распростертые тела парней. По-моему, кто-то неплохо вломил им... Нет. Это ни к чему. Советую к месту происшествия подъехать вместе с милицией. До свидания!

Шепель, положив телефон в карман, поднял папку, предложил Валентине:

– Давайте я вас до людного места провожу. А если хотите, довезу до дома. У меня машина на стоянке недалеко от ресторана.

– Вот почему вы оказались здесь.

– И, по-моему, вовремя!

– Да, если бы не вы, Миша, они меня изуродовали бы.

– Так эти уроды наткнулись на вас не случайно?

Валентина отрицательно покачала головой:

– Нет! Они преследовали меня от ресторана, где мы с коллегами сидели.

– Понятно. Так я подвезу вас?

– Нет, спасибо. Я тоже на машине, и она стоит у магазина «Спортовары».

– Опрометчиво было идти к стоянке через дворы, зная, что вас будут преследовать. На что вы надеялись, Валя? На быстрые ноги?

– Не знаю. Не думала, что эти ублюдки решатся на крайность!

Шепель посмотрел на часы:

– Идемте к магазину. Минуты через три здесь будет и «Скорая», и милиция, а я не хочу быть замешанным в этом деле.

Валентина подчинилась.

До стоянки ее автомобиля они прошли быстро и молча. Туркина остановилась у «Ауди».

Капитан оценил автомобиль:

– Хорошая машина. Дорогая. Вы, наверное, обеспеченная женщина.

– Я обычная женщина, а вот отец – да, тот обеспечен!

– Ну что ж, рад был познакомиться, до свидания и счастливого пути!

– Вы не попросите моего телефона?

– Зачем?

– Ну... чтобы позвонить как-нибудь! Или вы женаты?

– Я холост. Просто не хочу пользоваться тем, что помог вам! Ведь трудно отказать человеку, оказавшему вам небольшую услугу в экстремальной ситуации!

– Тогда оставьте свой телефон. Я вам позвоню!

– Не стоит, Валя! Да и не позвоните вы! До свидания.

Шепель попрощался, не оборачиваясь, пошел к соседнему проулку, чтобы обойти место своего столкновения с бандитами по пути на стоянку.

Валентина хотела окликнуть его, но... не окликнула. Мужчина, спасший ей жизнь, скрылся в людском потоке. Туркина села в машину, достала из бардачка сигареты и зажала. Закурила. Она до сих пор находилась под впечатлением от произошедшего. Но думала не о том, что с ней могло случиться, а о том мужчине, который, не задумываясь, пришел ей на помощь. Она перебрала в уме своих знакомых и, кроме Володи Дольского, не нашла никого, кто решился бы выступить против трех бандитов. И это среди знакомых. Спасший же ее Михаил явился со стороны. Можно сказать, случайно оказался на пустыре. И вступил в схватку с мерзавцами. Причем сделал это так, будто каждый день спасает кого-то. Вот он, образец мужчины. Разве так повел бы себя Сережа Шахристов? Да он на коленях бы ползал, лишь бы бандиты отпустили его. А о ней он и не подумал бы. Но почему Михаил уверен в том, что Валентина не позвонила бы ему? А позвонила бы? Да, позвонила бы. Обязательно. Михаил понравился ей. Сразу, как только она увидела его, еще до того, как он заступился за беззащитную женщину. Но разве такое возможно? Ведь тогда она думала лишь об одном: как избавиться от насильников. Черт, мысли в голове путались. Ну почему он не оставил номер своего телефона? Хотя... Михаил говорил, что работает где-то рядом, в какой-то торговой фирме. Если это так, то Валя найдет его. При ее возможностях это несложно. Да, она найдет его, а что дальше? Приглашение на собственную свадьбу? Одновременно с предложением тайно встречаться? И что Михаил о ней подумает? Вот ситуация. Нет, сейчас все посторонние мысли надо отбросить, тем более что они спутались в такой клубок, что сразу и здесь не распутать. Вот вернется из Афганистана, тогда, возможно, она и найдет его. Или сумеет забыть, заглушить то чувство, которое только что родилось в ней. Чувство глубокой симпатии к этому сильному, настоящему мужчине. Да, сейчас надо переключиться на командировку. А потом и будет потом.

Едва она вставила ключ в замок зажигания, как сотовый телефон издал сигнал вызова. Звонил отец. Валентина ответила:

– Да, папа?

– С тобой все в порядке?

– Почему ты задал этот вопрос?

– Просто внезапно почувствовал тревогу.

– Тревогу?

– Да! И причины тревоги объяснить не могу.

– У меня все в порядке! Еду домой!

– Ну и хорошо!

– Кристина вернулась?

Отец вздохнул:

– Явилась, не запылилась. Пьяная вдребезги. Удивляюсь, как она вообще доехала.

– Странно, раньше такого за ней не замечалось. Что-то купила необыкновенное и обмыла попку?

– Нет! Она, оказывается, если, конечно, верить ее словам, заехала к подруге, поболтать немного, а та день рождения справляла. Ну, Кристина и справила вместе с ней день рождения. Но мне кажется... хотя это тебя не касается.

– Конечно! Какое мне дело до твоей личной жизни? Ведь я же тебе чужая?

– Не смей так говорить! Какая ты чужая? Единственный родной мне человек. Но обсуждать мои отношения с Кристиной все же не надо. Она – моя проблема и не должна быть твоей.

– Я понимаю тебя, папа. Извини!

– Возвращайся быстрее, дочь, что-то мне сегодня плохо. То тревога внезапно сжимает сердце, то какое-то предчувствие приближающейся беды захлестывает.

– Это оттого, что ты устал и перенервничал. А я скоро приеду.

– Жду тебя, дорогая!

Валентина отключила телефон.

Вот что значит родная кровь. Отец за десятки километров почувствовал, что с дочерью случилось несчастье. От этого и тревога. Но отчего у него какие-то странные предчувствия? Он не знает и до последнего момента, когда ничего уже нельзя будет изменить в плане участия дочери в поездке в Афганистан, не узнает. Так почему его терзают нехорошие предчувствия? Наверное, все же из-за поведения Кристины. Отец знает, что супруга вполне может изменять ему. Она молода, а он не может ей дать того, что требует молодой организм избалованной женщины. От этого и страдает. И следствием страданий являются предчувствия. Надо успокоить его, да и с Кристиной поговорить. Предупредить, чтобы не изводила отца. Нужен молодой жеребец, иди к нему. Забирай полагающуюся при разводе часть имущества и проваливай. Да, Валентина обязательно предупредит Кристину, но... только после того, как вернется из Афганистана.

Туркина завела двигатель и повела серебристую «Ауди» к выезду из города.

* * *

Шепель же подъехал к контрольно-пропускному пункту закрытого военного городка в 19:10. Дежурный прапорщик ФСБ открыл ворота, но жестом показал, что ему есть что сказать офицеру Управления по борьбе с терроризмом. Шепель опустил ветровое стекло, и жара буквально ворвалась в охлажденный кондиционером салон «Опеля».

Прапорщик подошел, козырнул:

– Здравия желаю, товарищ капитан! Вас ждут в штабе гарнизона! И полковник Крымов просил, чтобы вы, как приедете, проследовали в штаб сразу же, не заезжая домой!

– Крымов? Хорошо, все понял. Можешь доложить полковнику, что я еду к штабу!

– Есть, товарищ капитан!

Шепель продолжил движение, направив «Опель» к зданию штаба гарнизона. Подумал: посылал его к Потапову Тимохин, а встречает Крымов. Как будто не знает, что за подарок везет начальству отдела спецмероприятий офицер спецгруппы «Орион».

Шепеля в кабинете Управления ждали полковник Крымов и подполковник Тимохин.

Капитан, как положено, доложил о прибытии, передал папку начальнику отдела спецмероприятий:

– Здесь план предстоящей проверки. Она назначена на субботу 15-го числа. Потапов передал, что все это туфта. И дата проверки, и сам план. Реально нас планируют поднять в ночь с тринадцатого на четырнадцатое июля с задачей учебного освобождения заложников по трем

вариантам. Первый вариант – освобождение заложников, удерживаемых террористами в одном из торговых центров. Второй – те же действия, но в самолете, захваченном террористами, и третий, наиболее вероятный, освобождение заложников при перевозке их автобусом.

Крымов спросил:

– А Потапов не объяснил, откуда у него такая информация?

– Объяснил. Члены комиссии – депутаты Государственной думы, а значит, лохи в нашем деле. Для полноценной и объективной проверки нужны специалисты. А где их взять, если парламентская комиссия планирует охватить проверкой практически все боевые подразделения спецслужб? Ответ: в Главном разведывательном управлении Генерального штаба. ГРУ под проверку не попадает. И председатель комиссии через руководство разведуправления обращается к командиру отдельной бригады спецназа ГРУ. Просит выделить ему офицеров, имеющих опыт ведения боевых действий в условиях партизанской войны, в том числе опыт освобождения заложников. И выделить на двое суток. На 13 и 14 июля. Командир же бригады когда-то был подчиненным Феофанова. Он и слил генералу информацию о проверке.

– Почему Потапов или Феофанов не предупредили об этом меня по телефону?

– Потому что опасаются, как бы нас не накрыла «колпаком» войсковая часть электронной разведки все того же ГРУ. А их техника зафиксирует любые переговоры, по какой линии связи они ни велись бы.

Крымов потер подбородок:

– Хм, и с чего вдруг решили нас проверить? А главное, почему под проверку попали мы, выполняющие секретные задания руководства?

– Под проверку попали все спецслужбы. Точнее, их боевые подразделения. И «Альфа», и «Витязь», и «Вымпел», и другие отряды и группы.

– Но ГРУ не тронули?

– Значит, разведуправлением займутся позже, если их не отмажет начальник Генерального штаба. А он сейчас набирает вес!

Крымов спросил у Шепеля:

– Это все?

– Нет! – ответил капитан. – Потапов до встречи со мной общался с Казаковым. Так вот, советник Президента передал инструкции сверху, общий смысл которых – не светить перед избранниками народа основную группу «Орион», выставив вместо нее резервное подразделение «Мираж».

– Вот как? Это уже лучше. А то у нас среди избранников народа всякие попадают. И те, кто готов продаться Западу, тоже. Ладно! Все понятно! Готовим к проверке «Мираж», «Орион» выводим в резерв.

Тимохин проговорил:

– Если до спектакля не проявят себя реальные, а не бутафорные террористы.

– Сплюнь!

– Тут плюй не плюй, а эти ублюдки ни с какими учебными планами считаться не собираются. У них свои планы. О которых, к сожалению, мы узнаем иногда слишком поздно. Но задачу я понял. С завтрашнего дня «Орион» переводится в резервный режим несения службы.

Шепель улыбнулся:

– Верное решение. Хоть по-человечески рыбалку организуем. Резерв есть резерв.

Крымов ответил:

– И не мечтайте! Всем находиться в городке. И без моего разрешения из него ни шагу.

Тимохин спросил:

– Чего ради?

– А того, Саня! Как будто ты не знаешь, что наше руководство весьма изобретательно на всякие выкрутасы. Поступит неожиданно вводная, меняющая кардинально обстановку, мне

вас по местным водоемам собирать? Нет уж, увольте. Отдыхать отдыхайте, но на территории части. И по домам, чтобы вызвать можно было в любую минуту дня и ночи! А тебе, Саня, – Крымов взглянул на Тимохина, – вообще никакого резерва. Вместе будем готовить и выводить на проверку «Мираж».

Тимохин вздохнул:

– Вот так всегда. Сначала конфета, потом кнут, со всего размаха. Ладно. Я и сам никуда не делся бы. Работаем, как работали, а тебе, Шепель, – подполковник обратился к подчиненному, – постоянно находиться на связи. Майора Гарина я сам обо всем предупрежу. Ну что, по домам? Все же выходной сегодня.

Крымов кивнул:

– По домам!

Он бросил папку в сейф, и офицеры вышли из штаба.

Капитан Шепель развез начальство по домам, поставил «Опель» в парк боевых машин и также отправился на свою квартиру, вспоминая милую, красивую женщину, которую отбил у бандитов, и так же, как она, сожалея, что не взял номера ее телефона. Впрочем, вряд ли бы у них что-нибудь получилось. Валентина из богатой семьи. А там другие правила жизни. Там все размеренно, рассчитано на месяцы, если не на годы вперед. А Шепель не знает даже того, что несет ему день грядущий. Да если признаться, и не хочет знать. Как говорится, чему быть, того не миновать. А хотелось еще раз встретиться с Валею. Просто так. Встретиться, поболтать ни о чем, посидеть в кафе. Хоть ненадолго побыть обычным мужиком, а не офицером спецназа. Впрочем, последнее невозможно. Он останется офицером при любых обстоятельствах, даже будучи в запасе или отставке. Потому как офицер – это не надолго. Это навсегда! И с Валентиной капитан не встретится. А жаль. Хорошая женщина.

Но ошибался Шепель. Ему предстояло встретиться с понравившейся женщиной.

Глава 3

Воскресенье, 10 июля.

Валентина поднялась в 6 утра. Дорожную сумку, в которую положила все самое необходимое, она собрала накануне вечером. И сейчас ей оставалось привести себя в порядок, оставить записку отцу, чтобы хотя бы первые дни командировки не волновался, и, не привлекая ничего внимания, выехать в аэропорт.

Она прошла в душ. Затем, немного подкрасившись и уложив волосы, выпила чашку кофе. Но выйти из дома незамеченной ей не удалось. Валя прошла в свою комнату и увидела сидевшего в кресле отца.

Тот спросил:

– Далеко ли на этот раз ты собралась, Валя?

– Папа! Я уже не девочка, чтобы отчитываться за каждый свой шаг. И если помнишь, то работаю. А работа требует, чтобы я сегодня в составе съемочной группы убыла в командировку.

Туркин спросил:

– Почему ты раньше мне о ней не сказала?

– Да потому, что это моя работа. Что, я редко езжу в командировки? И никогда раньше ты не устраивал мне подобного допроса.

– Но почему ты собралась тихо, словно хотела уехать незаметно? Что за командировка тебе предстоит?

Валентина, взглянув на часы, присела напротив отца:

– Во-первых, папа, я собиралась написать тебе записку, во-вторых, не хотела никого будить, в-третьих, отвечая на второй твой вопрос, говорю – командировка обычная, мы едем в один провинциальный город, снять репортаж по письмам воспитанников детского дома.

– Детского дома? Там что-то не в порядке?

– Судя по письмам, да. Не хватает денег ни на нормальное питание, ни на ремонт обветшавшего здания, в общем, детскому дому хронически не хватает денег, хотя из бюджета на его содержание выделяются суммы немалые и поступают на счет учреждения вовремя!

Туркин вздохнул. Он поверил дочери:

– Да! Уже у детей воруют. До чего мы так докатимся?

– До того, что подрастающее поколение серьезно пополнит армию преступников, наркоманов, алкоголиков и бомжей! Вот наш канал и желает осветить в полной мере проблемы этого детского дома.

– Ты знаешь что, Валя? Присмотрись к руководству учреждения. Если деньги разворовываются на более высоком уровне, это одно, если их тащат сами сотрудники, совсем другое.

Валентина удивленно взглянула на отца:

– Зачем тебе это?

– Если можно изменить ситуацию, я готов взять на себя содержание этих несчастных детей, лишенных родительского тепла и элементарных условий жизни. Я не хочу, чтобы они стали преступниками, наркоманами, алкоголиками и бомжами. Для начала мне нужна точная информация о том, что там происходит.

Валя улыбнулась:

– Хорошо! Такую информацию ты получишь.

– Сотовый телефон не забыла?

– Нет, но в той жизни, куда мы едем, вряд ли работает мобильная связь.

– И все же прошу ежедневно мне звонить. Если вашей съемочной группе кто-то из местных чиновников станет мешать работать, дай знать мне. Их быстро поставят на место!

– Спасибо, папа, но у канала достаточно своих возможностей, чтобы обойти административное противостояние местных властей.

– У меня их значительно больше!

– А, ну конечно. Я все время забываю, кто мой отец! Хорошо, если что, найду способ связаться с тобой.

Туркин поднялся:

– Ладно, вижу, торопишься. Счастливого пути, дочка, и благополучного возвращения.

– Спасибо, папа. А насчет Кристины ты не переживай, ладно? В конце концов, жизнь всегда можно изменить.

– Не будем об этом. Пойдем, я провожу тебя.

– Не надо...

– Надо! Я и провожу тебя, и сам в парке погуляю, утренняя пока еще свежим воздухом подышу!

– Ну, если решил прогуляться, то пошли.

Туркин взял сумку дочери. Они вышли из дома. Валя выгнала из гаража «Ауди». Забрала у отца сумку, бросив ее на заднее сиденье:

– Ну все, папа? До встречи?

– Удачи тебе, дорогая!

– Спасибо! Машину я оставлю в аэропорту!

– Это твое дело. До свидания, дочь! Не осуждай своего отца!

– Я не осуждаю. До встречи.

Валентина завела иномарку, выехала с территории усадьбы, а затем и охраняемого элитного городка и направила «Ауди» к шоссе, ведущему к МКАД.

В Домодедово она приехала в 7:40. На стоянке аэропорта оплатила место за неделю вперед. Возле огромного табло, высвечивающего расписание многочисленных рейсов, ее встретил помятого вида оператор Дольский:

– Привет, Валюша! Как дела?

– У меня-то ничего, тебе, смотрю, совсем хреново. Сергинский приехал?

– Тут! Послал меня тебя встречать.

– Да, видок у тебя, Вова, плохенький.

– Не сыпь соль на сахар, Валя. Еле поднялся. И чего я вчера так нажрался? Ведь не хотел.

– Тебе вообще бросать пить нужно!

– Не спорю, нужно, но не могу.

– Обратись к врачам!

– А смысл? Лечение помогает лишь в том случае, если больной сам хочет вылечиться. Я же, как тебе объяснить, не настроен еще. Да и смысл бросать? Чтобы с ума сойти в своей комнате под вечное ворчание матери?

– Так женись!

Оператор невесело усмехнулся:

– Нет уж, благодарю. Я семейной жизнью сыт по горло.

– Первый раз не сложилось, сложится во второй, в третий раз.

– Не хочу, Валя! У, черт, ты постой тут, я в туалет сбегаю.

– Рвет?

– Начинает! И что за организм? У других голова болит, а тут выворачивает наизнанку. А дальше еще хуже будет.

Дольский скрылся в толпе пассажиров.

Валя прошла к киоску, торгующему напитками. Купила две банки пива «Бавария».

Вернулся Дольский бледный как смерть.

Валентина протянула ему банки:

– Возьми, похмелись!
– Пивом? Пивом, добрая твоя душа, не похмелишься. Так, облегчишь состояние на полчаса, а потом выплунешь это пиво в переваренном виде.
– Так как тебя в порядок привести?
– Нужна водка!
– Где ж ее здесь взять?
– Да взять не проблема, проблема, на что взять.
– Ты же командировочные получил!
– Получил, вот только утром нашел в карманах всего пару сотен.
– Куда ж остальные деньги делись?
– Не знаю. У матери спрашивал, говорит, не брала, наверное, потерял.
– Когда успел? Тебя же Ненашев до дома довез. Или нет?
– Довез! Только я, проспавшись, в рюмочную метнулся, а там, как у Высоцкого, друзья. Еще с детства. Вернулся домой на автопилоте, в два часа.

– Ясно! Говоришь, знаешь, где можно купить водку?
– Знаю!
– Тогда держи!

Валентина достала из сумочки деньги, отсчитала половину суммы, передала оператору:

– Это тебе и на водку, и на расходы.

Дольский приложил руки к сердцу:

– Валя! Ты необыкновенная женщина. Как вернемся, я все тебе верну!
– Вернешь, вернешь, давай поторапливайся.

Как только отошел оператор, к Туркиной подошел руководитель съемочной группы:

– А ты чего здесь? И где Дольский?

Валентина ответила:

– Во-первых, доброе утро, Антон Дмитриевич, а во-вторых, я сама жду Володю, он ненадолго отлучился.

– Похмеляться пошел. Ну, черт. А ведь уже посадку на наш рейс объявили. А нам же и регистрацию, а главное, таможенный досмотр еще проходить.

– Успеем!

– Ну, Вова!

– Да не трогай ты его! Сейчас объявится.

И точно, спустя десять минут появился Дольский, оживший, покрасневший, весьма довольный жизнью. И если бы не перегар, то никто сейчас и не подумал бы, что вчера оператор напился до чертиков.

– А вот и я! Все в сборе?

Сергинский укоризненно покачал головой:

– Ну разве так можно, Володя?

– А чего? Все пучком! Пошли на регистрацию.

Самолет «Аэрофлота» «Ил-86» рейса Москва – Ташкент вылетел из Домодедово точно по расписанию в 10:30 московского времени. В салоне во время полета оператор еще пару раз приложился к бутылке. Видя, что Дольского повело, Валентина отобрала у него бутылку:

– Все, Вова, теперь до возвращения в Москву – сухой закон. Как хочешь, преодолевай похмелье, но больше водки не получишь. Тем более в Афганистане не принято пить спиртное.

Стюардесса объявила о том, чтобы пассажиры пристегнули ремни, лайнер начал снижаться и в 14:40 по московскому, в 16:40 по местному времени плавно коснулся шасси бетонки Ташкентского аэропорта. Взревели двигатели. Пилоты переложили реверс для торможения, и вскоре лайнер остановился прямо у здания аэропорта. Подали трап. Пассажиры, выходя из самолета, пешком направились к сектору пограничного и таможенного досмотра узбекской

стороны. Пошли было к сектору и Сергинский с коллегами, но их остановили на полпути два молодых узбека, представившиеся сотрудниками местной службы безопасности. Один из них спросил у Сергинского:

– Съёмочная группа канала «Экспресс плюс»?

– Да! – ответил руководитель группы.

Мужчина представился:

– Юлдаш Рахимов. Рядом Усман Шарипов. Нам приказано обеспечить ваш перелет в Термез. Один вопрос: багаж в Москве сдавали?

Сергинский ответил:

– Нет! Все при себе держали, да и нечего сдавать было.

Рахимов удовлетворенно кивнул:

– Это хорошо. Пройдемте в микроавтобус.

Только сейчас журналисты увидели стоявший метрах в двадцати от трапа немецкий микроавтобус.

Сергинский спросил:

– А как же досмотр?

Рахимов улыбнулся:

– Считайте, вы его прошли.

– А куда мы поедем?

– Недалеко! На военный аэродром, что базируется по соседству с аэропортом. Там сейчас грузится транспортный борт «Ан-24». На этом самолете мы с вами полетим в Термез!

Он взглянул на часы:

– Ровно через час! Прошу в автобус!

Журналисты подчинились. Микроавтобус повез их к старому винтовому «Ан-24».

Дольский спросил у Рахимова:

– Слушай, Юлдаш, а этот пылесос еще и летает?

– Летает! Кстати, очень неплохая машина, не то что современные реактивные лайнеры. Лучше, конечно бы, «Ил-18», но его давно сняли с эксплуатации.

– И чем же хорош «Ан-24»?

– Тем, что даже при отказе одного из двигателей он сможет сесть на ограниченную полосу.

– А что будет с тем же «Ил-86», если у него откажет турбина?

– Рухнет на землю к чертовой матери, что же еще?

– Вот вы сами и ответили на свой вопрос.

В салоне «Ан-24» находился груз в больших ящиках и всего несколько пассажиров, размещившихся на скамейках вдоль борта. К ним вместе с Рахимовым и Шариповым присоединились и члены съёмочной группы российского телеканала. Внимание Туркиной привлек мужчина неопределенного возраста с холщовым мешком в ногах и в национальной афганской одежде. Он сидел, обреченно глядя перед собой, перебирая четки.

Валентина наклонилась к Рахимову:

– Скажи, Юлдаш, а что это за человек сидит напротив? Он вроде не узбек.

Рахимов ответил:

– Узбек, но только родом из Афганистана, за «речкой» довольно много этнических узбеков. А этот человек – личность известная. Из ближайшего окружения генерала Дустума. Слышали о таком?

– Северный альянс?

– Да! Он прилетал на лечение в Ташкент. Сейчас после операции и реабилитации возвращается на родину. Кстати, в Кабул вы полетите тоже вместе с ним. Лучше не обращать на него внимания. Для вас он никакой угрозы не представляет.

– Ясно! Спасибо за информацию!

«Ан-24», взревев двумя двигателями, сильно завибрировав, сделал короткий разбег и поднялся в воздух.

Дольский, ерзая на скамейке, проговорил:

– Да, это не «Ил-86»!

Валентина улыбнулась:

– Что тебя не устраивает, Вова?

– Сомневаюсь я, Валюша, что эта колымага при отказе одного двигателя сможет куда-то долететь. По-моему, и безо всяких отказов самолет вот-вот рассыплется на куски. Ему же лет сорок, если не больше.

– Попроси у сопровождающих узбеков парашют. Может, завалился какой где-нибудь в углу салона?

– Шутить изволишь? Это хорошо. А самолет – дерьмо. Здесь никакой парашют не поможет. Не успеешь выпрыгнуть, как без купола окажешься на земле в разобранном виде.

В 18:10 «Ан-24» резко пошел на снижение и через пятнадцать минут совершил посадку в аэропорту города Термеза.

Журналисты вместе с сопровождающими лицами покинули салон самолета.

Рахимов, собрав вокруг себя Сергинского, Дольского и Туркину, сказал:

– Сейчас мы поедем в местную гостиницу, бывшее офицерское общежитие, где для вас подготовлен двухкомнатный номер, учитывая, что в группе, кроме мужчин, есть женщина. Там вам подадут ужин, и там же вы отдохнете до 5 утра завтрашнего дня. Ровно в 5:30 мы с напарником заедем за вами. В 6:30 вылет вертолетом Красного Креста в Кабул!

Дольский спросил:

– И где находится эта гостиница-общежитие?

Рахимов ответил:

– Где-то в километре отсюда, на территории бывшего военного городка бывшего советского гарнизона. Не волнуйтесь, территория содержится в порядке, она охраняется. Вы сможете отдохнуть совершенно спокойно. А заодно и покушать знаменитый, настоящий узбекский плов. Такого плова, как здесь, вы больше нигде не попробуете.

Он повернулся к напарнику:

– Усман, ты вызвал машину?

– Вызвал, она на подъезде!

– Хоп. Подождем.

Дольский проговорил:

– Душно! Вроде дело к вечеру, а все равно жарко.

Рахимов сказал:

– Да, у нас что днем, что ночью, летом жарко. Мы к этому привыкли, для вас же в номере в каждой комнате установлен кондиционер. Еще одеялом накроетесь. Кстати, там же в номере душевая с холодной и горячей водой. Все условия, как видите!

Валентина неожиданно спросила:

– А кто оплатил эту гостиницу?

– Ваша компания!

– Но в редакции ни слова не было сказано о том, что нам предстоит ночевать в Термезе.

– Значит, руководство не посчитало нужным поставить вас в известность об этом.

Рахимов говорил спокойно, он вообще, казалось, был лишен каких-либо эмоций. Этакая машина в человеческом обличье. Прикажут сопровождать и охранять клиентов, будет и сопровождать, и охранять, прикажут убить, то сто против одного, узбек, не моргнув глазом, выполнит и этот приказ. Поэтому Валентина проговорила:

– Да, вы правы! Что в принципе не важно! Лететь в Афганистан сразу или на следующий день.

Рахимов кивнул:

– Верно!

Из-за угла появился черный военный «УАЗ-452», остановился возле журналистов.

Рахимов указал на арамейский санитарный автобус:

– Прошу, господа, машина подана!

Сергинский, Дольский и Туркина забрались внутрь потрепанного «уазика», устроились на его потрескавшихся, не раз восстанавливаемых сиденьях.

Рахимов заглянул в салон:

– Я прощаюсь с вами до утра. Водитель довезет вас до гостиницы и передаст администратору. Мы же вновь встретимся, как я уже говорил, в 5:30. Прошу к этому времени быть готовым к отъезду. Приятного вам аппетита и спокойного отдыха, до свидания!

Не дожидаясь ответа, Рахимов захлопнул дверь, и «УАЗ» тут же двинулся в сторону виднеющихся за пирамидальными тополями зданий. В сторону бывшего военного городка, бывшего советского гарнизона. Спустя полчаса журналисты вошли в гостиницу, довольно комфортабельную для Термеза.

* * *

И в то же время летевший в самолете афганец постучал в калитку железных ворот в высоком заборе одного из домов на окраине города.

Раздался лай собак. Затем окрик, прекративший лай. Заскрежетал засов, в проеме появился немолодой мужчина в узбекском национальном халате и тюбетейке:

– Хаджа-ага? Ассолом аллейкум! Проходите, пожалуйста, я ждал вас.

Попутчик съемочной бригады прошел во двор:

– Ва аллейкум ассолом, Камиль, да хранит Аллах твой дом.

Камиль Тугматов двумя руками пожал руку афганца.

– Вы, наверное, устали с дороги? Пройдемте в дом, женщины быстро приготовят ужин.

Хаджа ответил:

– Лучше устроимся где-нибудь во дворе.

– Тогда, пожалуйста, топчан под чинарой. Тень дерева укроет от солнца.

– Хорошо.

Афганец сбросил туфли с острыми, поднятыми кверху носами, взобрался на топчан. Прилег на кошму, опираясь на подушку, проговорил:

– Яхши! Я действительно устал, хотя ничего особенного делать не пришлось. Просто годы берут свое. В восьмидесятые я со своим отрядом мог пешком пройти по горам без привала не один десяток километров. Сейчас не смогу.

– Да, уважаемый Хаджа-ага, к сожалению, старость неумолимо втягивает нас в свои объятия. Я отойду, прикажу, чтобы поджарили мясо.

Хаджа попросил:

– И побольше зелени.

– Хорошо! А пока вам подадут чай. Хороший чай, с ханкой. Он взбодрит вас!

– Яхши. И принеси чемодан, что ранее передал тебе мой человек!

– Да, конечно!

Хозяин дома отошел, Хаджа потянулся. Наконец-то он может дать ногам отдохнуть.

Женщина, закутанная во все белое, прикусив кончик платка, принесла поднос. Сняла с него клеенку, постелила перед гостем, на клеенку выставила большой фарфоровый чайник,

пиалу. Молча, слегка поклонившись, удалилась. Хаджа наполнил пиалу. Подошел хозяин дома и поставил небольшой чемодан на край топчана:

– Пожалуйста, Хаджа-ага.

Афганец приказал:

– Сделай так, Камиль, чтобы в течение ближайших минут никто из домочадцев, особенно дети, не подходили к топчану. Мне надо поговорить с саибом.

– Да, конечно! Не беспокойтесь!

Дождавшись, когда Камиль уведет со двора женщин и детей, гость, отхлебнув глоток горького чая, открыл чемодан. Извлек из него спутниковый телефон. Проверил его. Настроил прибор, оставшийся в кейсе, набрал по памяти длинный номер. Практически тут же услышал в динамике:

– Салам, Хаджа-ага! Я ждал твоего звонка! Как наши дела?

– Салам, Исмаил-Хан! Наши дела в порядке. Клиенты в Термезе, я летел вместе с ними из Ташкента. Они остановились в гостинице бывшего военного городка гяуров. Вылет в Кабул назначен на завтра, понедельник одиннадцатого числа, на 6:30. Я полечу тем же бортом. В Кабуле проконтролирую вылет русских к барриерской «зеленке». Сообщу тебе об этом и отправлюсь домой. Надеюсь, твой человек вовремя доставит мне деньги за проделанную работу?

– Об этом не думай. Я пошлю курьера сразу после того, как клиенты окажутся у меня.

– Хоп, Абу!

Абу Исмаил-Хан спросил:

– Журналистов в Термезе охраняют?

Хаджа ответил:

– Да! Два офицера безопасности!

– Каково настроение русских?

– Женщина и оператор вели себя спокойно. Последний, видимо, еще не отошел от пьянки. Старший группы заметно нервничал, хотя и пытался скрыть это, что удавалось ему плохо.

– Спасибо, Хаджа-ага! Ты выполнил свою миссию и будешь вознагражден. А пока я благодарю тебя.

– Будь осторожен, Абу! Абдул гарантировал русским безопасность. Он не должен узнать, что против него выступил ты. Тем более он не должен узнать, что в твоих делах был замешан я!

Исмаил-Хан успокоил Хаджа:

– Не волнуйся, брат. Я предусмотрел все.

– Всего невозможно предусмотреть. Мне не нравится твоя самоуверенность.

– Я знаю, что говорю! Еще раз благодарю и до свидания, Хаджа-ага, да хранит тебя и твою семью Всевышний!

– До свидания, Исмаил-Хан! Ты знаешь, как найти меня, если в этом возникнет необходимость.

– Знаю!

Исмаил-Хан отключил связь.

Гость Камиля Тугматова сложил телефон, уложил его в чемодан, закрыв тот на кодовые замки.

Тугматов, видимо, наблюдал за гостем, потому что тут же вышел из-за дома и подошел к топчану.

Хаджа взял в руки пиалу, кивком указал на кейс.

– Убери его в дом. Завтра за чемоданом зайдет тот же человек, что и приносил его.

– Хоп, уважаемый Хаджа!

Камиль забрал чемодан, отнес его в дом.

Чай с наркотиком действительно взбодрил афганца. Усталость как рукой сняло, настроение поднялось, разыгрался аппетит, и, чего уже не было сравнительно давно, появилось острое желание близости с женщиной.

Подали мясо в казане. Хаджа утолил голод. Вытерев рот полотенцем, взглянул на сидевшего рядом Тугматова:

– Скажи мне, Камиль, где я могу смыть с тела пыль дорог и пот?

– Женщины нагрели воду! Я провожу вас в баню.

– И еще, Камиль. Я хотел бы перед сном расслабиться с активной, знающей толк в сексе, опытной, развратной девочкой. Это возможно?

Тугматов ожидал от гостя всего, только не этой просьбы. Почтенный, авторитетный человек, истинный мусульманин, совершивший хадж в Мекку, и вдруг потребность в проститутке?

Хаджа заметил смущение хозяина дома, улыбнулся:

– Ты удивлен?

Тугматов кивнул:

– Извините, но...

Хаджа поднял руку:

– Не продолжай! Ответ на вопрос, ты можешь обеспечить удовлетворение моей небольшой прихоти? Всего лишь да или нет?

– Ну сделать это несложно. Сейчас в городе немало проституток. Один мой знакомый даже публичный дом держит.

Хаджа прервал Тугматова:

– Только учти, Камиль, мне нужна девочка-славянка, блондинка с пышными формами тела, но не толстая свинья и, как я уже говорил, умеющая исполнять все прихоти партнера. Все, Камиль! И еще: ей не должно быть больше двадцати лет.

Тугматов задумался, затем проговорил:

– Сложный заказ.

– А ты постарайся, Камиль, я хорошо заплачу.

– Попробую!

– Это не ответ!

– Хоп! Найду я вам нужную шлюху. Есть на примете одна холостячка, оставленная прапорщиком в городе. Но ей лет тридцать.

– Ты поищи, Камиль, поищи! За тысячу долларов можно постараться?

– За тысячу? Не хотите ли вы сказать...

Хаджа прервал Тугматова:

– Именно это я и хотел сказать. Выполнишь заказ, только ты получишь тысячу долларов. Будет достойно оплачена работа и тех, кого ты привлечешь к поиску, и самой проститутки. Но запомни, никто не должен знать, для кого ты искал шлюху.

– Конечно, конечно, уважаемый Хаджа-ага! Никто ничего не узнает!

– Тогда я пойду, ополоснусь и немного отдохну, ты найдешь для меня место в своем гостеприимном доме?

– О чем вы спрашиваете, Хаджа? Для вас приготовлена лучшая комната в мужской половине дома. С кондиционером.

Афганец вздохнул:

– Меняются времена. Когда-то люди и знать не знали, что такое кондиционер, и ничего, жили.

– Раньше и телевизора не было. А сейчас без него уже пусто в доме!

– Телевизор – баловство. Впрочем, ты прав, старого времени не вернешь, надо жить новым.

Камиль Тугматов проводил гостя в большую гостевую комнату с резным потолком, большим ковром, кондиционером, постелью у дальней стены, уложенной на пол.

Коснувшись головой подушки, эмиссар афганского террориста и наркобарона Исмаил-Хана мгновенно уснул, а Тугматов пошел к своему товарищу, державшему в одном из домов проституток.

С трудом, но Камиллю удалось найти девушку, отвечающую запросам афганского гостя. Ей оказалась похищенная на Украине толстушка, две недели томившаяся в наложницах у одного из руководителей города. Тот, не торгуясь, за триста долларов в сутки отдал ее Тугматову.

Хаджа, проснувшись и выкурив папиросу анаши, остался доволен внешним видом девушки. И до трех часов утра терзал ее тело, заставляя подыгрывать себе и принимать самые развратные позы.

Удовлетворившись, афганец выгнал несчастную во двор, не дав ей ни цента. А в четыре часа ее закрыл в подвале хозяин дома. Местный бай продал пышную блондинку на сутки, а значит, и сам Камиль успеет еще развлечься с ней. Девушка действительно выглядела очень и очень аппетитно.

* * *

Военный аэродром города Термез, понедельник, 11 июля.

В 5:30 хорошо отдохнувшие в гостинице Сергинский, Дольский и Туркина вышли на улицу, где их уже ждал микроавтобус, около которого курили Рахимов и Шарипов. После взаимных приветствий съемочная группа и сопровождающие ее лица устроились в автобусе, и тот направился в сторону аэродрома. Дольский, хоть и продолжал болеть от спиртного, сегодня выглядел уже лучше. Конечно, будь возможность, оператор без раздумья принял бы на грудь граммов сто пятьдесят водки, но такой возможности не было. И Владимир терпел, а посему был молчалив.

Микроавтобус подъехал к бетонной площадке, где стоял песчаного цвета «Ми-8» с большими красными крестами по бортам и на днище, обозначавшими его принадлежность к международной гуманитарной организации. Недалеко от вертолета на корточках сидел афганец, что прилетел вместе со съемочной группой из Ташкента. Он по-прежнему, казалось, не обращал ни на кого внимания. В 5:50 к вертолету подъехал «ГАЗ-66», солдаты узбекской армии загрузили в него несколько ящиков также с эмблемами Красного Креста. Вскоре прибыл и экипаж. Сергинский, Дольский и Туркина попрощались с офицерами местной службы безопасности и поднялись на борт вертолета. Там уже находился афганец. Вскоре «Ми-8» поднялся в воздух и, набирая высоту и скорость, пошел на юг. Никакому досмотру пассажиры «Ми-8» подвергнуты не были. Сергинский поинтересовался у Дольского:

– Ты не спрашивал у пилотов, сколько нам лететь до Кабула?

– А я с ними общался? Это ты, как руководитель, должен все знать о перемещении группы. А мне лично без разницы, сколько предстоит лететь. Главное, долететь, а то выстрелит какой-нибудь дух по «вертушке» из «стингера», и кончится наша командировка.

– По машинам Красного Креста стрелять запрещено.

– Хорошо, если моджахеды об этом знают.

– Что, никак не отойдешь?

– Отойду! К вечеру в порядке буду. А может, раньше!

– Нам из Кабула еще к Абдулу лететь!

– Даст бог, долетим. И туда, и обратно!

– И все же интересно, сколько нам лететь на этом вертолете.

Дольский посоветовал:

– А ты пойди к пилотам да узнай! Или вон у старого моджахеда спроси. Он наверняка по-русски говорит.

– Почему ты его называешь моджахедом? Может, он во время войны на нашей стороне воевал. Или вообще не участвовал в боевых действиях?

– Все они в Афгане моджахеды. Ты на его рожу посмотри! Сто пудов в восьмидесятые в наших ребят стрелял. Ишь, сидит, будто ему все безразлично, а сам то и дело в нашу сторону глазами своими черными стреляет.

– Может, ему Валентина понравилась?

– Может, и так! Они охочи до наших баб.

– Да, красивей русской женщины в мире баб нет!

– Чего ж тогда ты до сих пор не женился? В Москве красавиц хоть отбавляй. Или проблемы с этим самым?

– Да пошел ты!

– С удовольствием, только куда?

Руководитель группы и оператор замолчали.

Валентина же умудрялась дремать в вибрирующем, грохочущем салоне транспортного вертолета. Ночью ей приснился мужчина, что спас ее от насильников. Во сне он не только отбил ее от юных бандитов и проводил до стоянки машины. Во сне они поехали к нему на квартиру, большую и светлую. По пути Миша купил огромный букет цветов и шампанского. Затем они танцевали при свечах. Почему-то совершенно голые и совершенно не стеснявшиеся друг друга. Она прижималась к его сильному, мускулистому телу, как наяву, ощущая прикосновение волос груди Михаила к своим возбужденным соскам. Он целовал ее в шею, и от этого желание переполняло ее. Наконец, они оказались в спальне, где тоже везде горели свечи. Михаил сбросил покрывало и одеяло на пол, поднял Валя на руки, нежно уложил на постель. Валентина закрыла глаза, в ожидании сладостного мгновения проникновения в нее Михаила, но вместо этого услышала грубый голос Сергинского:

– Валя! Подъем! Пятнадцать минут на сборы!

Она готова была вцепиться в режиссера, вмешавшегося в их с Мишей любовную игру, но остановилась, осознав, что видела всего лишь сон. И ей стало плохо. Одно Валентина решила твердо. После возвращения из Афганистана она обязательно найдет Михаила. Теперь женщина просто жаждала встречи с ним, жаждала воплощения сна в явь. И сейчас, сидя на жесткой скамейке, закрыв глаза, Валя пыталась вернуться в тот красивый, так возбуждавший ее сон.

А вертолет, вращая лопастями винтов, уносил ее с коллегами все дальше и дальше от границы.

В 7:50 местного времени «Ми-8» Красного Креста благополучно приземлился на аэродроме Кабула.

Съемочная группа и попутчик-афганец покинули борт, как только прекратил вращение несущий винт. Сергинский, Дольский и Туркина отошли от вертолетной площадки, осматривая местность. Вокруг высились горы, сам город находился где-то в глубине котловины.

Дольский проговорил:

– Интересно, и как здесь самолеты умудряются взлетать? Садиться – понятно, с той стороны еще более менее открытая местность. А вот как взлетают? Везде для того, чтобы переваливать за хребет, надо чуть ли не вертикально задрать нос.

Сергинский пробурчал:

– Нашел о чем думать. Летчики знают, как взлетать и садиться. Тебе-то это для чего?

Оператор уже расчехлил камеру:

– А для того, чтобы въехать в ситуацию. Я сниму общий план! Слишком он привлекателен, потом при монтаже программы еще спасибо скажете.

– Ну, давай, снимай!

Дольский начал работать. В объектив попал и попутчик-афганец, быстро направившийся по полю к вышке аэропорта.

К съемочной группе подъехал «УАЗ». Из него вышел молодой афганец в европейской одежде, поздоровался на чистом русском языке:

– Здравствуйте, господа. Вы и есть съемочная группа российского телеканала «Экспресс плюс»?

Сергинский ответил:

– Да! Я старший! Сергинский Антон Дмитриевич, со мной оператор Дольский Владимир Алексеевич и корреспондент Туркина Валентина Борисовна.

– Очень приятно! Ну а я Закир Асадани, племянник Абдула Асадани, который очень ждет вас! Могу предъявить документы, но вы вряд ли что-нибудь поймете в них, так как, насколько мне известно, ни пушту, ни фарси никто из вас не владеет.

Дольский произнес:

– Однако мы должны быть уверены, что вы человек, представляющий Абдула!

– Конечно! Довериться первому встречному здесь не только опрометчиво, но и смертельно опасно. Поэтому мы обратились в ваше посольство, и, думаю, вот это, – он протянул руководителю съемочной группы фирменный бланк с гербом Российской Федерации, – успокоит вас.

Документ представлял собой свидетельство посольства РФ в Афганистане, удостоверяющее то, что представитель сего документа является Закиром Асадани, племянником Абдула Асадани, пригласившего в Афганистан съемочную группу российского телеканала «Экспресс плюс». На бланке имелась фотография, перекрытая красной печатью посольства.

Дольский пробурчал:

– Да я в Москве таких ксив пачками напечатаю. И любые печати поставлю. Хоть царскую, петровскую!

Закир улыбнулся:

– Понимаю вас! Что ж, в таком случае свяжитесь непосредственно с вашим посольством. Номер...

Оператор, закончивший первую съемку, сказал:

– Это другое дело. Но назови-ка ты нам, друг Закир, лучше номер телефона посольства... ну, скажем, Китая в Афганистане!

И вновь Закир улыбнулся:

– Пожалуйста, я только в записную книжку взгляну. На память не помню!

– Взгляни, взгляни.

Вскоре Сергинский позвонил в посольство КНР, представился, попросил соединить его с российским дипломатическим ведомством. Его просьбу выполнили, и только после разговора с одним из секретарей посольства России все сомнения в подлинности свидетельства Закира Асадани отпали.

Руководитель съемочной группы извинился.

Асадани ответил:

– Не стоит! Вы поступили верно! Теперь проедем к моему вертолету?

Дольский спросил:

– У вас свой вертолет?

– Да! Вообще-то у меня их несколько. Купил у военных. Пытаюсь создать авиакомпанию по обслуживанию населения кишлаков, находящихся в труднодоступной горной местности, куда попасть только по воздуху и можно!.. Итак, прошу в машину!

Съемочная группа погрузилась в «УАЗ». Закир устроился на переднем пассажирском сиденье. В принципе, расстояние до вертолета Асадани можно было пройти пешком, так как ехал советский армейский внедорожник всего несколько минут. Остановился у площадки,

где уже медленно вращал лопастями несущего винта камуфлированный вертолет без каких-либо знаков различия. Асадани провел съемочную группу на борт, пожелал удачного полета и попросил передать привет дядюшке. После чего винтокрылая машина, набрав обороты, медленно оторвалась от бетонки и, поднявшись над аэродромом, взяла курс на юго-запад Афганистана.

Асадани достал американскую рацию дальнего действия:

– Дядя Абдул! Это Закир!

Бывший полевой командир ответил:

– Слушаю тебя, Закир!

– Гостей встретил, только что отправил к тебе. В заданном районе вертолет должен приземлиться ровно через тридцать пять минут.

– Хорошо! Спасибо, Закир! Высылаю машину за гостями.

– Если еще что-то будет нужно, дядя, не стесняйся. Как найти меня, знаешь. Ближайшее время я не намерен покидать Кабула.

– Хоп! До связи, Закир!

– До связи, дядя Абдул!

Асадани-младший, зачехлив радиостанцию, сел в «УАЗ», приказав водителю:

– Домой!

Армейский внедорожник покинул территорию Кабульского аэропорта.

Хаджа же доковылял до ближайшего ангара. Там спросил однорукого Алима. Вскоре к Хадже подошел молодой мужчина-инвалид.

– Ассолом аллейкум, Хаджа-ага!

– Ва аллейкум ассолом, Алим! Как дела?

– Спасибо, все хорошо!

– Ну и слава Аллаху! Обеспечь-ка мне срочную связь с Хандаром! И побыстрей, Алим!

– Пройдемте со мной, уважаемый Хаджа-ага!

Однорукий работник аэропорта провел попутчика съемочной группы в отдельный отсек ангара. Вытащил из-под топчана чемодан:

– Вот спутниковый телефон, Хаджа-ага! Мне вызвать Хандар или вы сами сделаете это?

– Я сам сделаю это, а ты, уважаемый Алим, выйди и проследи, чтобы никто не слышал разговора!

– Слушаюсь!

Алим вышел. Закрыв за ним металлическую дверь, Хаджа положил чемодан на топчан, открыл кодовые замки, извлек трубку с толстым стержнем-антенной. Набрал номер. Ему ответили сразу:

– Салам, Хаджа, я ждал твоего звонка!

– Салам, Исмаил-Хан! Через полчаса ваши клиенты приземлятся на плато у барриарской «зеленки».

– Они уже вылетели из Кабула?

– Только что!

– Кто их встречал?

– Племянник Абдула, Закир!

– Он дал русским охрану?

– Нет!

– Ты лично видел это?

– Да!

– Тебя гяуры ни в чем не заподозрили?

– Если заподозрили бы, то вряд ли продолжили бы свой путь!

– Верно! Спасибо за работу, Хаджа! Возвращайся к семье, отдыхай и жди курьера.

- Хоп, саиб! Удачной тебе охоты!
 - Спасибо! Никуда эти русские не денутся.
 - Надеюсь! До связи!
- Хаджа сложил аппарат в чемодан, вызвал Алима. Указал на кейс:
- Убери! И найди Фаруха. Скажи ему, я еду домой!
 - Слушаюсь, саиб!

Глава 4

«Ми-8», принадлежащий племяннику Абдулы, Закиру Асадани, приземлился на плато у «зеленки». Съёмочная группа вышла из вертолета, и тот тут же поднялся в небо, направившись обратно в Кабул. Еще на выходе российские журналисты увидели стоявший метрах в ста от площадки, где приземлилась вертушка, подержанный внедорожник «Ниссан». Как только вертолет улетел, автомобиль подъехал к группе. Из него вышли двое афганцев, облаченных в национальные одежды, с автоматами в руках. Один из них, старший по возрасту, улыбнулся и заговорил на русском языке:

– Здравствуйте, уважаемые гости. Как прошел перелет из России в многострадальный Афганистан?

Ответил Сергинский:

– Здравствуйте. Перелет прошел нормально. Хотелось бы узнать, кто вы?

– Да, да, конечно. Я – один из помощников саиба Абдула, который с нетерпением ждет вас в кишлаке Барриар, Юнус, мой напарник, он же водитель – Хусейн.

Сергинский ответил:

– Хусейн так же, как и вы, хорошо владеет русским языком?

Юнус вновь улыбнулся:

– У нас в Барриаре все мужчины старшего поколения, от сорока лет и больше, хорошо владеют русским языком.

– Это приятно, а вот мы... да кстати, позвольте представиться: я – руководитель съёмочной группы, Антон Дмитриевич Сергинский, второй мужчина – оператор Владимир Алексеевич Дольский и наша очаровательная женщина, корреспондент – Валентина Борисовна Туркина. Так вот мы, к сожалению, совершенно не знаем вашего языка.

– Ничего, это не обязательно.

Юнус посмотрел на Туркину:

– Вы смелая женщина, раз не испугались прилететь в страну, которую считают чуть ли не земным адом.

Валентина ответила:

– Такова моя работа. Я вот что хотела спросить, мне обязательно носить здесь платок и длинное платье?

– Нет, не обязательно! Вы – европейка, у вас свои традиции, свой уклад жизни, в конце концов, иная религия. Можете носить все, что посчитаете удобным и нужным.

– Спасибо! А я уж подумала, что придется надеть паранджу.

Юнус с Хусейном рассмеялись:

– Это талибы насаждали старые порядки. У нас же женщины хоть и придерживаются национальных обрядов, но паранджу не носят!

Радиостанция помощника бывшего полевого командира издала сигнал вызова. Тот ответил:

– Я слушаю вас, саиб! Да, встретили, познакомились!.. Выежаем! Что?.. нет, все нормально, я следил за дорогой... Хоп. До встречи.

Отключив станцию, Юнус сказал:

– Абдул выходил на связь, он ждет вас и беспокоится.

– А есть причины для беспокойства? – спросил Сергинский.

– Нет! Но Абдул беспокоится. Прошу вас в машину.

– И долго нам ехать? – задал вопрос Дольский.

Юнус объяснил:

– Нет! Сейчас спустимся до моста через реку, далее свернем влево, обойдем перевал, что виднеется перед вами, и, проехав два километра, въедем в кишлак Барриар. Поездка займет не более получаса.

Сергинский спросил:

– А почему вертолет сразу не приземлился в кишлаке?

Юнус кратко ответил:

– Там это сделать невозможно. – И вновь указал не внедорожник: – Прошу в автомобиль!

Съемочная группа устроилась на заднем сиденье, сложив дорожные сумки в объемный багажник, афганцы заняли места впереди.

Хусейн взглянул на Юнуса. Тот кивнул:

– Вперед! У моста поаккуратней.

«Ниссан» медленно развернулся и направился к невысокому перевалу. Вскоре дорога пошла вниз. Валентина спросила старшего встречающей группы:

– Юнус, а что это за речка впереди?

– Ее название труднозапоминающееся, в переводе на русский что-то типа «коварная вода».

– Коварная вода? И чем же она коварна?

– Все горные ручьи и реки коварны. Большую часть времени они спокойны, мелки, проходимы даже для ребенка, но если в горах пройдет дождь, то эти ручьи превращаются в бурные, сметающие все на своем пути потоки. То же самое происходит и с нашей речкой. Мост, по которому мы поедем, река сносит несколько раз в год, и нам приходится восстанавливать его. Когда ушли русские, мы доставили сюда понтон. Но его унесло во время разлива.

– И как часто у вас бывают дожди?

– Нечасто, но бывают. Но не здесь, а в горах. Здесь летом светит жаркое солнце, которое иногда закрывают пыльные бури «афганцы». Слышали о таких?

– Слышали! А это правда, что вы во время войны во главе с Абдулом Асадани воевали против наших войск?

Юнус кивнул:

– Правда!

Валентина спросила:

– Почему?

– Как почему? На нашу землю пришли чужаки, а мы народ свободолюбивый. И вообще, тогда, в начале восьмидесятых годов, многим было непонятно, отчего всегда дружественный Афганистану Советский Союз вдруг ввел свои войска на территорию нашей страны. Сыграла свою роль и западная агитация, и то, что советские специальные подразделения штурмом взяли дворец Амина, убив последнего. Да, он был не лучший правитель, но Амин был афганец. И если кому решать его судьбу, то не русским, а нам, афганцам. А тут власть перешла по сути к русским. Поэтому мы выступили против необъяснимой агрессии бывших друзей. Но это уже история. Сейчас многие бы предпочли, чтобы Советы не уходили. Ведь после вывода советских войск в Афганистане вообще началась полнейшая анархия. Руководство сил сопротивления не могло поделить власть. Жившие раньше в мире и согласии народы Афганистана стали врагами. Началась гражданская война. А тут еще объявились талибы. Взращенные в Пакистане, они как саранча прошли по стране, уничтожая все, что не соответствовало их взглядам на устройство Афганистана. И вновь страна раскололась. Кто-то вынужден был подчиниться талибам и служить им, кто-то ушел к Ахмад-шах Масуду. Вместо русских в страну вошли американские войска. Талибы отошли. Но мощь американцев оказалась блефом. Янки не воины. Они ничего не смогли изменить. Это русские держали Афганистан, контролируя практически всю территорию страны. Русские – воины, американцы – нет. Им плевать на то, что творится в Афганистане. Закрылись в своих фортах и больше заботятся о собственной безопасности. Абдул

выступает против присутствия американцев в стране. Он считает, что порядок в Афганистане могут навести только русские во взаимодействии, естественно, со здоровыми силами оппозиции самих афганцев. Но это, к сожалению невозможно.

Дольский, заинтересовавшись рассказом, немного путаным, но объясняющим суть процессов, происходящих в этой истерзанной войнами стране, спросил Юнуса:

– А что это за история с нашими десантниками? И почему только сейчас Абдул решил обнародовать ее?

– На эти вопросы вам подробно ответит Асадани, я скажу лишь одно: под Барриаром погибли настоящие герои. Я как сейчас помню этот бой. Советских десантников было всего пятнадцать человек. Разведывательная группа одного из ваших парашютно-десантных полков. Офицер, два прапорщика и двенадцать двадцатилетних пацанов. Они, видимо, не знали о том, что в Барриаре находился отряд Абдула, и решили обойти кишлак по перевалу. Но нарвались на пост раннего обнаружения противника. В кишлаке сразу объявили тревогу, и десантникам перекрыли все пути отхода. Абдул предложил им сдаться. И клянусь, если бы десантники сдались, никто не причинил бы им вреда. Возможно, обменяли бы на своих пленных. Но русские предпочли смерть плену. Их было всего пятнадцать парней, но как они дрались.

Юнус, выдержав паузу, продолжил:

– Они дрались, как львы! Зажатые в ущелье, не имевшие ни малейших шансов на спасение и на подход помощи, десантники бились до последнего патрона. Они сумели уложить сорок семь наших бойцов. Особенно мне запомнился офицер. Раненный, он до конца командовал подчиненными, которых становилось все меньше. Абдул принял решение позволить русским, забрав раненых и убитых, уйти в «зеленку»! Но десантники не поверили ему. Так вот, тот офицер! В конце концов, он остался один и вышел из-за укрытия. Весь в крови, без автомата, так как кончились патроны. В руке зажата граната. Мы отошли, а он встал перед склоном, посмотрел на небо, вырвал кольцо предохранительной чеки, и через несколько секунд взрыв отбросил его изуродованное тело. Когда я прошел по позиции погибших десантников, то увидел: они сражались до последнего патрона.

Валентина дрогнувшим голосом спросила:

– И все солдаты были мертвы?

Юнус ответил:

– Да! Удивительно, как они, смертельно раненные, теряющие кровь и сознание, продолжали драться. Этот бой сильно подействовал на Абдула. Он долго стоял над телами десантников, а потом приказал похоронить их с воинскими почестями, что и было сделано.

– И где их похоронили?

– В лесу. Недалеко от того места, где приземлили вертолет. В братской могиле. Документов при себе у разведчиков не было, а фамилию старшего лейтенанта, командира группы, мы узнали из письма, что нашли в его планшете. Это было письмо его невесты. Она ждала офицера. Тот вскоре должен был заместиться. Но... навсегда остался лежать в афганской земле.

Дольский воскликнул:

– Почему же о судьбе десантников Абдул молчал столько лет?

– Это он объяснит вам сам.

– Вы покажете место того боя?

– Конечно! И братскую могилу тоже. Для этого Абдул и пригласил вас в Барриар!

– Да! Война! И кому она была нужна?

– Тому, кому нужна власть! Власть хуже наркотика, власть дает все! И большие деньги в том числе.

Водитель прервал разговор напарника с журналистами, указав рукой вперед:

– Смотри, Юнус, мост поврежден! Когда мы ехали сюда, он был в полном порядке.

Помощник Абдула приказал:

– Стой, Хусейн! – Он обернулся к российским журналистам: – Быстро из машины – и в кусты. Группой, не разбегаясь.

Сергинский испуганно спросил:

– А что случилось?

Юнус крикнул:

– Я сказал, всем из машины! Быстро!

Съемочная группа выпрыгнула из внедорожника и залегла за ближайшим кустом. Юнус присел за правым крылом внедорожника, Хусейн залег чуть в стороне, в канаве за обочиной каменистой дороги.

Сергинский, оказавшийся между Дольским и Туркиной, спросил:

– Вы что-нибудь понимаете?

Дольский проговорил:

– Ты не слышал, что сказал водитель? Мост впереди поврежден, а когда они ехали встречать нас, он был в порядке.

– Но... но... кто мог повредить мост?

– Хороший вопрос, Антон, а главное, по адресу! Кажется, господа, мы попали в засаду.

Сергинский вздрогнул:

– Какую еще засаду?

Дольский одернул руководителя группы:

– Да не визжи ты! Я знаю, в какую и чью засаду? Но мост сам по себе разрушиться не мог. Значит, кто-то приложил усилия, чтобы его разобрать. Для чего? Для того, чтобы перекрыть дорогу нашему джипу. А кто мог перекрыть дорогу? Кто угодно, но не люди Абдула. Но, если верить Юнусу, до Барриера не очень далеко, и помощник бывшего полевого командира наверняка уже сообщил о проблеме Абдулу. А тот выслал помощь.

Валентина проговорила:

– Но если разрушенный мост – засада, то почему нас никто не атакует?

Дольский невесело усмехнулся:

– А ты хотела, чтобы со всех сторон появились злые духи?

– Нет! Но засаду устраивают для того, чтобы уничтожить или захватить того, против кого ее устраивают. А вокруг тишина!

– Эх, ребята, чую я, недолго продлится эта тишина.

Затишье объяснялось просто. Мост через речку разобрали люди Исмаил-Хана, высланные сюда с целью захвата российских журналистов. Террорист Абу Исмаил-Хан послал на задание трех самых лучших своих бойцов – заместителя Хаджу Хадрияра и боевиков Ахмада с Рахимом, имевших богатый опыт проведения подобных акций. Большого количества душманов Исмаил-Хан в район захвата съемочной группы послать не мог, ибо это требовало привлечения либо грузовика, либо автобуса, что незаметно сделать было невозможно. Их могли заметить с перевала люди Абдула. Другое дело армейский «УАЗ». Легковые машины нередко проходили мимо «зеленки» по второй дороге, пересекающей ту, на которой стоял «Ниссан». «УАЗ» и спрятать в лесном массиве можно было без особых проблем, что бандиты и сделали ночью. К тому же трех опытных бойцов Исмаил-Хана вполне достаточно для уничтожения охраны съемочной группы и захвата последней! Разбор моста являлся имитацией организации засады у реки. На самом деле люди Исмаил-Хана находились недалеко от остановившегося внедорожника, в одной из многочисленных балок, откуда внимательно следили за действиями Юнуса, Хусейна и российских журналистов.

Хадрияр применял тактику выжидания. Юнус ждал атаки, поняв, что впереди засада. И готов был отразить ее вместе с водителем, вызвав подмогу из Барриера, связавшись с кишлаком. Этого сеанса связи и ждал Хадрияр, державший помощника Абдула в прицеле своей снайперской винтовки. Но перед тем как применять станцию, Юнус должен прикрыть журналистов,

а следовательно, вывести к кустам, где засела съемочная группа, своего напарника-водителя. Так и произошло.

Внимательно осмотрев участок местности вокруг разобранного моста, Юнус громко спросил водителя:

– Хусейн! Ты кого-нибудь видишь?

– Нет!

– Но кто-то разобрал мост? И разобрал для того, чтобы взять нас. Почему неизвестные не проявляют себя?

Водитель ответил:

– Думаю, они не ожидали, что мы остановимся здесь, за сто метров от реки, так как планировали нападение возле моста. Неизвестные где-то там.

– И долго бездействовать они не будут! Я вызываю Абдула, ты же переползай к русским, чтобы защитить их, если противник пойдет с флангов или от «зеленки». Я прикрою фронт.

– Понял!

– Давай!

Хусейн начал отползать в сторону куста, где затаились российские журналисты. Он появился в секторе обстрела бандитов Исмаил-Хана в тот момент, когда Юнус извлек из чехла рацию.

Увидев это, Хадрияр приказал боевикам:

– Ахмад, убей водителя, мой – Юнус! Рахим! После обстрела шакалов Абдула – рывок к журналистам! Приготовились!

Ахмад, как и Хадрияр, вскинул автомат:

– Я готов. Командир!

Рахим доложил:

– К броску готов!

– Огонь!

Хадрияр выстрелил в тот момент, когда Юнус включил рацию. Пуля попала в голову помощнику Абдула. Станция выпала из рук, сам Юнус, дернувшийся в судороге, завалился набок. Секундой позже короткой очередью Ахмад поразил Хусейна. Тот вскрикнул и уткнулся в камни, опустив оружие. Рахим бросился к кустам, где укрылась российская съемочная группа.

Хадрияр поднялся. Его примеру последовал Ахмад. Они смотрели на Рахима. Тот, подбежав к кусту, что-то крикнул. Из укрытия встали двое мужчин и женщина. Заместитель Исмаил-Хана довольно цокнул языком:

– Ну вот и все! Выстрелы вряд ли слышали в Баррияре, перевал – прекрасный экран отражения шумов. Первый этап проведен успешно! Идем к заложникам. Именно так теперь будут именоваться господа русские журналисты! Вперед, Ахмад!

– Слушаюсь, командир!

Хадрияр с Ахмадом направились к съемочной группе, стоявшей перед Рахимом, державшим журналистов на прицеле своего автомата.

Услышав одиночный выстрел, а затем автоматную очередь, Валентина невольно вскрикнула, Сергинский, словно потеряв голос, не пытаясь скрыть животный страх, просипел:

– Что это?

И только сохранивший самообладание Дольский сплюнул на землю:

– Попали мы, вот что!

Он выглянул из-за ветвей, увидел распростертого на дороге водителя и завалившегося набок у джипа Юнуса, чертыхнулся:

– Точно! Попали!

Сергинский воскликнул:

– Но я не хочу! Где гарантии этого Абдула?

Дольский приказал:

– Чего ты не хочешь? В плен к духам? А кто хочет? И будь, наконец, мужиком, мать твою, начальник! А гарантии... вон они... лежат трупам в пыли.

Договорить Владимир не успел.

Перед кустом возник афганец в камуфлированной форме и приказал:

– Всем встать! Ко мне! Приехали, нечестивцы! И без лишних движений, а то пристрелю, как бешеных псов! Ну? Ко мне, шакалы!

Журналисты вышли на открытую местность. Душман не заметил, как Дольский, сохранивший самообладание, во время нахождения в кустах снимал происходящее на плато. И успел заменить кассеты, отбросив отснятую в ближайшую яму.

Сергинского трясло. Валентина, также испытывающая страх, но державшая себя в руках, презрительно взглянула на руководителя съемочной группы:

– Да не трясись ты как осиновый лист. Еще не все потеряно.

Душман крикнул:

– Молчать!

К нему подошли еще двое.

Один из них, старший по возрасту и положению, осмотрел журналистов, остановив свой взгляд на женщине:

– Так вот вы какие, гости Абдула? Кто из вас главный? Впрочем, я и сам вижу.

Он подошел к Сергинскому:

– Я – Хадрияр. Кто ты?

– Я? Я это... старший съемочной группы. Понимаете, господин Хадрияр, мы не военные, мы не имели отношения к прошедшей войне, мы журналисты, на нас распространяется...

Хадрияр прервал Сергинского:

– Теперь на вас распространяются только мои приказы. И приказы моего начальника, яхши?

– Яхши! Яхши!

Хадрияр подошел к женщине:

– Госпожа Туркина? Валентина Борисовна?

– Откуда вы меня знаете?

Помощник Исмаил-Хана рассмеялся:

– Как же мне не знать тебя, девочка, если все то, что произошло, было подготовлено ради тебя?

– Ради меня? Вы хотите сказать, что...

– Да, красавица... именно это я и хотел сказать. Нам нужна ты! И от того, как поведешь себя дальше, будет зависеть не только твоя жизнь, но и жизнь твоих друзей!

– Ничего не понимаю!

– Скоро поймешь!

Ахмад сказал:

– Хаджа! Пора уходить. Скоро сюда могут подойти люди Абдула!

Хадрияр кивнул:

– Да! Уходим! – Он повернулся к Рахиму: – Веди их к машине! Быстро!

Рахим ткнул автоматом в живот Сергинского:

– Жить хочешь, грязная свинья?

– Да, конечно!

– Тогда посмотри назад!

Сергинский обернулся.

Рахим спросил:

– Просеку в «зеленке» видишь?

– Вижу!

– Бегом туда вместе со своими подчиненными. И скажи им, чтобы бежали весело, не давая мне повода стрелять. Пошли!

Съемочная группа побежала к просеке.

– Джип Абдула взорвем? – спросил Ахмад.

– Не надо! Пусть его люди, а потом и он сам увидят, что здесь произошло.

– Но они возьмут наш след!

– И что? Пусть берут. Да он им и не нужен. Абдул без труда поймет, кто перехватил его гостей. Вот только сделать ничего не сможет. У него осталось не более десятка воинов. И потом, понимать это одно, а достоверно знать – совсем другое. Исмаил-Хан наверняка заявит, что не имеет к похищению русских журналистов никакого отношения. А может, напротив, специально спровоцирует Абдула на попытку освобождения заложников, дабы разделаться с ним и забрать под себя весь район барриарской «зеленки». Но это его дело. Мы же тоже уходим. За мной!

Хадрияр с Ахмадом догнали группу, когда та вышла к спрятанному в лесном массиве «УАЗу». Сергинского, Дольского, Туркину сковали между собой наручниками, Ахмад устроился сзади, на откидном сиденье, Хадрияр и Рахим впереди. Армейский внедорожник выехал из просеки и резво, поднимая за собой шлейф пыли, поехал на восток.

* * *

Кишлак Барриар, понедельник, 11 июля, 10:40.

Вышедший из дома Абдул взглянул на часы, подозвал к себе помощника:

– Али, от Юнуса никаких сообщений не поступало?

– Нет, саиб!

– Ему вместе с Хусейном и журналистами пора было бы уже прибыть в селение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.